
THE LIBRARY OF CONGRESS

ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА.

СОЧИНЕНІЕ

В. АЛЕКСАНДРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА.

СОЧИНЕНІЕ

В. АЛЕКСАНДРОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 15 іюля, 1863 года.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1861 году, мнѣ удалось быть на многихъ крестьянскихъ свадьбахъ въ Вологодской губерніи,—и я старался записать все, что видѣлъ и слышалъ. Къ счастію, я былъ въ особенномъ положеніи: крестьяне не только не скрывали отъ меня ничего; а сами еще обращали мое вниманіе; — что не всякому возможно. Я желалъ не только описать свадебные обряды; но такъ сказать, представить картину, чтобы читатель, сидя дома и читая мои записки, могъ мысленно перенестись въ ту деревню или село, гдѣ играли свадьбу. До какой степени я въ этомъ успѣлъ, предлагаю на судъ публики; но смѣю увѣрить въ томъ, что весь разсказъ основанъ на запискахъ, веденныхъ во время моихъ наблюденій. Считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя необходимыя объясненія, которыя были бы неумѣстны въ самомъ разсказѣ.

У крестьянъ Вологодскаго уѣзда отъ сватовства до вѣнчанья проходятъ двѣ недѣли и болѣе, и рѣдко одна. Въ этотъ промежутокъ времени женихъ съ своей родней нѣсколько разъ навѣщаетъ невѣсту. Дни, въ которые онъ бываетъ у невѣсты, имѣютъ слѣдующія названія: *смотрины* или *простыя сидины*, *рукобитье* и *праскія сидины*, *провѣдка*, *дѣвичникъ* или какъ чаще говорятъ: *съ пряникомъ женихъ пріѣзжаетъ*, и послѣдній день—*свадебный*, день вѣнчанья; послѣ вѣнчанья: *отгостки* и *перегостки*. Этими названіями я воспользовался для раздѣленія моего разсказа на части

Въ Вологодскомъ уѣздѣ играютъ свадьбу почти одинаково; впрочемъ, — *что городъ*, *то норовъ*, *что деревня*, *то обычай:*— бываютъ и небольшія измѣненія въ обрядахъ, зависящія отъ мѣстности:

смотря потому, ближе или дальше отъ города, и кто играетъ свадьбу: вольные или прежніе крѣпостные.

У крестьянъ, живущихъ ближе къ городу, свадьбы играются съ разными церемоніями, заимствованными отъ городскихъ жителей низшаго сословія, и многіе обряды здѣсь постепенно измѣняются. Въ 40 верстахъ и далѣе отъ города считается необходимостію, чтобы невѣста, когда просватаютъ ее, во все время до самаго вѣнчанья при постороннихъ людяхъ была покрыта фатой (платкомъ); ей позволяется немного приподнять ее только тогда, когда жениху нужно съ ней прощаться. Въ 10-ти же и даже, съ 1861 года, уже въ 25 верстахъ отъ города, невѣста можетъ и непокрытая фатой угощать жениха и его родню; и только требуется, чтобы она въ свадебный день и при женихѣ непремѣнно была покрыта фатой. Въ этой мѣстности крестьяне видятъ, что нѣкоторые старинные обряды почти безполезны и могутъ быть выкинуты или замѣнены другими, болѣе сообразными съ временемъ и духомъ народа; но удерживаютъ ихъ только потому, что онѣ имъ нравятся. Это замѣчаніе особенно относится къ раздачѣ въ дѣвичникъ невѣстой *красоты*, т. е. кусочковъ лентъ, которыя считаются украшеніемъ дѣвичьей косы, такъ много воспѣваемой въ причетахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ приходахъ болѣе отдаленныхъ отъ города досихъ поръ дѣвушки ходятъ въ сарафанахъ и съ отпущенной косой, которая послѣ замужества прячется отъ взора мужчинъ; и потому тамъ невѣсты и подружки ея обращаютъ болѣе вниманія на дѣвичью косу, нежели въ деревняхъ, близкихъ къ городу, гдѣ уже дѣвушки носятъ въ косахъ гребенки, повязки на головахъ и даже синелевыя сѣтки [1]). И такъ замѣтно, что обычай раздавать красоту, который считался, лѣтъ десять тому назадъ, болѣе важнымъ, нежели теперь, скоро, если не совсѣмъ уничтожится, то много измѣнится. Тоже можно сказать и о другихъ старинныхъ обычаяхъ, которые, малопо малу, или истребляются или замѣняются новыми. Самый разговоръ молодаго крестьянскаго народа замѣтно измѣняется: многія слова и выраженія заимствуются отъ городскихъ жителей. Молодой народъ даже нѣсколько перемѣнилъ свой старинный костюмъ на новый, т. е. армякъ или сибирку—на сюртукъ,

---

[1]) Швеи — дворовыя дѣвушки и молодыя бабы, которымъ богатые отцы отдаютъ шить платья, рубашки и повязки, говорятъ имъ, какъ разъ слышалъ я, что къ атласному или шелковому платью скорѣе идетъ синелевая сѣтка, нежели повязка.

сарафанъ — на платье; сталъ одѣваться лучше и опрятнѣе и гораздо чаще умываться. Но къ сожалѣнію, быстро начинаетъ распространяться и роскошь, особенно у подгородныхъ жителей: у дѣвушекъ появились шелковыя и шерстяныя платья, довольно дорогіе уборы на головахъ и перчатки; у молодцовъ — сюртуки, брюки, смазные сапоги, жилетки, манишки и галстуки (шелковые платки); на лѣтнихъ гуляньяхъ я даже видѣлъ двухъ, трехъ молодцевъ вольно-отпущенныхъ, въ круглыхъ шляпахъ. Эта роскошь много вредитъ народу и даже заставляетъ нѣкоторыхъ жертвовать необходимымъ для хозяйства. Безъ сомнѣнія, городская жизнь преимущественно имѣетъ вліяніе на деревни близкія къ городу; но все-таки это вліяніе мало по малу распространяется и на отдаленныя деревни. Я слышалъ, что крестьяне-старики сами удивлялись, что ихъ молодой народъ ушелъ такъ далеко впередъ. «Нонѣ», говорили они, «народъ все сталъ дошлый, проворный, ловкій; не то, что лѣтъ пять, али побольше тому назадъ,—мы были тихіе, да робкіе; словно насъ не было; и за дѣло-то какое новое, незнакомое, боялись и взяться,—ровно, отъ волка бѣжали....»

Въ Вологодскомъ уѣздѣ бывшіе крѣпостные часто называютъ государственныхъ, удѣльныхъ и вольно-отпущенныхъ крестьянъ *вольными*; удерживаю и я это названіе. Большая часть вольныхъ крестьянъ богаче бывшихъ крѣпостныхъ; и потому они играютъ свадьбы гораздо роскошнѣе, веселѣе и съ различными церемоніями. Напротивъ, крѣпостные играли свадьбы бѣдно, по-просту, почти безъ церемоній; но не измѣняя обрядовъ. Мнѣ говорили сами крестьяне, что у крѣпостныхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сватовство происходило не совсѣмъ такъ, какъ оно описано мною,—такъ напр. смотринъ часто не бывало. Онѣ были почти и не нужны, потому что женитьба болѣе зависѣла отъ господъ, нежели отъ воли родителей жениха и невѣсты. Въ то время, женихъ или отецъ его обращался прямо къ господамъ и, испросивъ у нихъ позволеніе свататься, или даже уже высватавъ у нихъ невѣсту, приходилъ къ ея родителямъ только для того, чтобы объявить имъ волю господъ. Случалось и такъ, что господа призывали къ себѣ жениха, а чаще его отца и приказывали ему женить сына, и сами назначали ему невѣсту. Такую же власть имѣли прикащики и управляющіе. И потому свадьбу тогда часто играли кое-какъ, съ горемъ пополамъ, безъ соблюденія всѣхъ свадебныхъ обрядовъ, такъ сказать, на скорую руку. Тогда не до церемоній, не до столовъ у невѣсты и не до обрядовъ, — когда дочь отнимали у родителей и насильно отдавали, Богъ знаетъ

*

куда и за кого. Нечего говорить, сколько было тогда слезъ у невѣсты и ея родныхъ, сколько причетовъ, выражающихъ горе, сколько жалобъ на житье на чужой сторонѣ, у грознаго мужа и лютой свекрови.

Кстати теперь сказать нѣсколько словъ о причетахъ и свадебныхъ пѣсняхъ.

Въ Вологодскомъ уѣздѣ очень мало я слышалъ свадебныхъ пѣсенъ: ихъ поютъ только поѣзжанамъ въ дѣвичникъ и молодымъ за княжимъ столомъ. Кромѣ этихъ пѣсенъ мнѣ удалось слышать четыре пѣсни отъ дочерей священника и отъ двухъ дѣвушекъ; другія ихъ не знаютъ. Видно, что онѣ занесены изъ другой мѣстности и нѣсколько измѣнены. Въ этомъ уѣздѣ невѣсты и подружки ея больше причитаютъ или лучше сказать, *воютъ причеты*. Я удержалъ то названіе, которое даютъ сами крестьяне, и не имѣлъ права назвать ихъ причитаніями или, свадебными пѣснями, тѣмъ болѣе, что они сами отличаютъ причеты отъ свадебныхъ пѣсенъ. Причеты также какъ и пѣсни измѣняются: старухи говорятъ, что когда ихъ отдавали замужъ, то причеты въ то время были не такіе, какіе теперь. И потому остается мало старинныхъ причетовъ, которые совсѣмъ не измѣнились. И такъ, если бы въ прежнее время было у насъ собраніе народныхъ пѣсенъ, причетовъ и сказокъ и вообще самобытныхъ народныхъ созданій, то по измѣненіямъ въ извѣстную эпоху, мы могли бы судить о характерѣ и духѣ народа и его нравственномъ направленіи.

По моему мнѣнію, надобно спѣшить собрать старинныя народныя созданія, а то они исчезнутъ и будутъ замѣнены произведеніями новаго времени. Я вывожу это заключеніе изъ того, что большая часть народныхъ пѣсенъ Вологодской губерніи, изданныхъ въ 1841 году и собранныхъ Ѳ. Студитскимъ въ той же мѣстности, гдѣ я собиралъ, въ 20 лѣтъ забыты крестьянами и замѣнены другими, отчасти даже стихотвореніями извѣстныхъ нашихъ поэтовъ.

ВОЛОГОДСКАЯ СВАДЬБА.

СВАТОВСТВО И СМОТРИНЫ

(простыя сидины).

Мнѣ привелось видѣть сватовство и смотрины у подкубенскихъ крестьянъ и именно въ деревнѣ Чемодановѣ, въ 10 верстахъ отъ озера Кубенскаго, или въ 15 верстахъ отъ г. Вологды. Чемоданово довольно большая деревня, гдѣ живутъ вольно-отпущенные крестьяне.

СВАТОВСТВО.

Вотъ какъ происходило оно:

Вошелъ въ избу сватъ, мужикъ лѣтъ подъ 40, съ рыжей бородой, въ дубленкѣ; снялъ онъ шапку, помолился образамъ, отвѣсилъ всѣмъ, кто былъ въ избѣ, по поклону и сказалъ: — Ночевали-здорово?

— Спасибо, Кузьма Авдѣичъ, слава Богу!—отвѣтила хозяйка, старушка, которая стояла у печки и обряжалась.

— Здравствуй, Михайловна! — сказалъ сватъ, обращаясь къ ней; — ты все еще обряжаешься; поди, часъ одиннадцатый есть, — коли не больше.

— А что подѣлаешь, — праздникъ, съ гостями-то и проспали маленько; — говорила хозяйка.

— У меня есть дѣло до тебя, Михайловна, да вижу не во время пришелъ; — сказалъ сватъ, а самъ взглянулъ на гостей.

Невѣста, дочь хозяйки, бойкая, хорошенькая дѣвушка, вдругъ перемѣнилась въ лицѣ. Она поняла въ чемъ дѣло, злобно улыбнулась, перемигнулась съ подружками и вышла съ ними изъ избы, погрозивъ кулакомъ свату и промолвивъ подружкамъ:

— Еслибъ да власть моя, я-бъ турнула его; не посмѣлъ бы въ другой разъ и въ избу войти. Я-бы его....

Въ избѣ никого не осталось кромѣ хозяйки и свата, который очень радъ былъ, что ихъ оставили однихъ; и потому тотчасъ приступилъ къ дѣлу.

— А что, Михайловна, пока молодо, потуда и дорого; у тебя есть *телочка продажная*, а у меня есть купецъ на нее. Товаръ хорошъ— и купецъ молодецъ. Пора бы, Михайловна, товаръ-то и съ рукъ сбывать, а то не равно залежится.

— Небось, — отвѣтила хозяйка; —она у меня еще молода: всего-то 17-ой годокъ пошелъ.

— Э, Михайловна, я тебѣ и говорю, что молодо, то и дорого. А купецъ — славный; женихъ — хоть куда; одинокій: въ солдаты не забрѣютъ. Отецъ — старикъ богатый: деньги имѣетъ. Земли у нихъ много, скота также. И онъ парень — молодой, умный парень, на работу гораздъ. И лицомъ не худъ, дѣвкѣ понравится; развѣ только что смиренъ больно, да ростомъ не великъ, да это не бѣда. А тебѣ что ее держать-то у себя, даромъ-то кормить? невѣстка-то у тебя работящая. Вспоила, вскормила, да въ хорошее мѣстечко съ рукъ и сбыла; пристроила, да и любуйся на ея житье. И бѣгать-то не далеко, тутъ рядкомъ и есть: версты три какихъ и тѣхъ нѣтъ. Соскучилась и побѣжала; посидѣла маленько, поговорила, да и домой. Другой-то, не равно, Богъ знаетъ куда увезетъ; въ годъ разъ только удастся свидѣться-то. Да ты, можетъ, знаешь Алексѣя Ѳедорова?

— Съ Рѣдькина, что-ли?

— Да.

— Маленько знаю; да онъ, вѣдь, господскій.

— У, Михайловна, кто нонѣ господскій; всѣ вольные, матушка.

— Все-жъ еще *не устроенъ*.

— Да что ему устраиваться-то; вѣдь, онъ не дворовый; а землю-то у нихъ не отымутъ. Еще хотятъ прикупить. Вошла бы ты къ нимъ въ избу, поглядѣла бы. каково они живутъ; сердце не нарадовалось бы.— славно живутъ. Дочка-то твоя была бы полной хозяйкой: никого бы не знала окромя мужа, да старика. А старикъ-то ему нонѣ и сюртукъ новый сдѣлалъ и сибирку суконную и полушубокъ новый. Что и говорить, одинъ сынъ, баско ходитъ. Такъ что жъ, Михайловна, по рукамъ, что-ли?

— Не знаю, не знаю, Авдѣичъ, я неволить ее не буду; пусть посмот-

ритъ; слюбится, такъ и съ Богомъ. На меня и то старшія-то двѣ плачутся, что насильно замужъ отдала.

— И то ладно, пусть посмотритъ. А я тебѣ вѣрно говорю, что лучше жениха не найти; вотъ тебѣ Никола, не найти. Я его хорошо знаю, и отца знаю.

Сватъ долго еще говорилъ съ хозяйкой; онъ увѣрялъ, доказывалъ ей, что лучше жениха и быть не можетъ; и что веселымъ бы пиркомъ, да за свадебку. Старуха спокойно его слушала; она знала, что ея дочку не такъ-то скоро уговоришь, если женихъ не придетъ ей по мысли; да и принуждать не хотѣла. А этого сватъ и боялся, зная, что Аннушка — дѣвушка хорошенькая, *славнухой* [1]) считается, бойкая дѣвушка, и не такимъ женихамъ, какъ его, отказывала; и тутъ пути не будетъ, если мать не приневолитъ. И потому онъ старался, какъ можно болѣе склонить старуху на свою сторону; лучше сказать, до смотринъ заинтересовать ее женихомъ. Онъ часто повторялъ ей:

— Ты, матушка Михайловна, немножко и приневоль дочку-то; знаешь, поуговори ее маленько. Что на нее глядѣть-то; разумокъ-то у ней еще глупый; теперь не любъ, такъ послѣ слюбится. Вспомни, и тебя силой выдали, да жила же съ Тихономъ, да какъ еще жила-то; другой и по люби не скоро такъ удастся прожить. Что и говорить, дѣвкѣ не любо покинуть подружекъ, да бесѣды веселыя; да съ ними-то не вѣкъ же ей жить. Подумай, сама, Михайловна.

— Не знаю, не знаю, Авдѣичъ, повторяла старуха; и хорошъ женихъ, да что съ ней подѣлаешь. Приходите сегодня насъ поглядѣть, да себя показать. Пусть и старшія-то посмотрятъ, поговорятъ,—и она поглядитъ; а я бы, Авдѣюшка, не прочь отдать за хорошаго человѣка. Я знаю Алексѣя; онъ парень не худой; одно только, что господскій, да и это не бѣда. — Приходите хоть ужо вечеркомъ; можетъ, и уладимся. А ты его, знаешь, пріумой, пріодѣнь побаще, смотри; да скажи ему, чтобъ посмѣляя былъ. Можетъ, и приглянется; сестрамъ-то приглянулся бы, а онѣ ужъ бы ее уговорили.

— Ладно, ладно, Михайловна, спасибо.

Тутъ сватъ ушелъ, и потому ушелъ, что въ избу вошли Аннушка и двѣ подружки ея.

Сватъ уходя, поклонился Аннушкѣ и хотѣлъ было поговорить съ ней; но она отвернулась въ сторону и заговорила съ подругой. Сватъ

---

[1]) Дѣвушка, которая славится красотой и богатой скрутой.

улыбнулся и вышелъ изъ избы; за нимъ и хозяйка. Черезъ нѣсколько минутъ я тихо заговорилъ съ Аннушкой:

— За что ты, Аннушка, сердита на Авдѣича? Вѣдь, онъ тебѣ, кажется, ничего не сдѣлалъ.

— Чтобъ ему на дорогѣ споткнуться, да носъ расквасить.

— Ты, видно, плакала, Аннушка? спросилъ я ее снова, гляда на ея заплаканные глаза.

— По неволѣ заплачешь, сказала она и обратилась къ подружкамъ: давайте-ка пѣсни пѣть, чѣмъ такъ-то сидѣть. Мнѣ этотъ праздникъ; лучше бъ его не бывало.

По всему было замѣтно, что Аннушка не только не хотѣла говорить; но даже и думать о свадьбѣ. Она желала скрыть свою тоску; но не могла.

— Полно, Аннушка, сказалъ я, что горевать; вѣдь, тебя насильно не хотятъ выдать. Я слышалъ весь разговоръ Авдѣича и твоей матери. Она не хочетъ принуждать тебя.

— Знаю я, отвѣчала Аннушка, да Авдѣичъ-то уговоритъ матушку. Того и гляди, что опять придетъ.

— Да, Аннушка, ты угадала; онъ придетъ, да и не одинъ, а съ женихомъ; тебя сегодня будутъ смотрѣть.

— Сегодня, сегодня, перебила меня Аннушка.

— Да, Аннушка, сегодня; чего жъ ты такъ испугалась? Придутъ, посмотрятъ, да съ тѣмъ и уйдутъ, если тебѣ женихъ не понравится. Вѣдь, ты не знаешь, кто сватается, такъ чего жъ пугаться. Можетъ, и хорошій человѣкъ.

— Никого мнѣ не надо.

— Эдакъ нельзя говорить, Аннушка; можетъ быть, Алексѣй съ Рѣдькина и вправду понравится, такъ и будетъ твой суженый.

— Ха, ха, ха! довольно громко захохотала Аннушка; рябой-то [1]), пѣнтюхъ-то [2]) этотъ, пѣстунъ-то [3]), чушка-то [4]), нахмурка-то [5]), и мнѣ за него идти, чтобъ подружки просмѣяли; не бывать этому! Слышишь, Надежа; вѣдь, это пѣнтюхъ рѣдькинскій ко мнѣ сватается!

— Такъ что жъ, Аннушка, онъ женихъ не худой, сказала Надежа.

---

[1]) Нѣсколько рябинокъ на лицѣ.

[2]) Простой, молчаливый парень.

[3]) По росту годится въ няньки, въ пѣстуны.

[4]) Кто насупившись и молча сидитъ.

[5]) Кто нахмурившись сидитъ.

— И ты за него! ладно, пусть я одна, заплакала Аннушка. Она какъ не была бойка, а чувствовала, что ей не устоять противъ воли матери.

— Ну, Аннушка, какъ ты еще глупа, я не считалъ тебя такой. Ни коня, ни воза, а ты ужъ и въ слезы.

Тутъ вошла ея мать и я замолчалъ; Аннушка отвернулась и вытерла платкомъ слезы.

— Чего я взаправду плачу, сказала тихо Аннушка, пусть, что хотятъ, то и дѣлаютъ со мной; не пойду! Куда бы мнѣ ужо спрятаться, али уйти кула? Пусть ищутъ.

— Погляди, Аннушка, наши молодцы на улицѣ, побѣжимъ, что горевать-то? сказала Надежа.

Аннушка и подружки ея ушли.

Аннушка правду сказала, что сватъ опять придетъ. Не прошло и 2-хъ часовъ, какъ онъ, раза два взглянувъ въ окно, вошелъ въ избу. Въ этотъ разъ онъ засталъ двухъ старшихъ сестеръ и брата Аннушки, которые воротились изъ гостей. Сватъ тоже самое говорилъ, что и прежде, и на томъ же порѣшили, что надо посмотрѣть жениха. Сватъ нарочно приходилъ въ другой разъ для того, чтобы поговорить съ сестрами невѣсты.

Старшія сестры ея были силой выданы и жили замужемъ не очень хорошо, несмотря на то, что мужья были богаты. Онѣ часто говорили, что *по люби* выйдешь, такъ хоть годокъ, да поживешь весело и пріятно. Одна изъ нихъ, бывши въ дѣвушкахъ, когда сваха пришла ее сватать, спряталась подъ столъ, и такъ какъ уже были сумерки, а огня не подавали, то цѣлый часъ, пока сваха была въ избѣ, просидѣла подъ столомъ. Поискали, поискали, да и бросили; а сваха разсердилась и ушла.

СМОТРИНЫ.

Вечеромъ, передъ приходомъ свата, изба безпрестанно наполнялась народомъ, который, то входилъ, то выходилъ: всякому хотѣлось посмотрѣть смотрины, особенно молодцамъ и дѣвушкамъ той деревни. Но такъ какъ уже было довольно поздно, то они пождали, пождали да и ушли. Остались только три дѣвушки, да родные невѣсты. Незадолго до прихода жениха, Аннушка каталась то на печи, то на полатяхъ и заливалась слезами; наконецъ ушла на сѣнникъ и тамъ зарылась въ сѣно. Я и старшая сестра ея на силу могли найти ее и уговорить одѣться. Она умылась и, одѣваясь, пуще прежняго принялась плакать.

Тутъ мать замѣтила ей:

— Ладно, Питерянка, больно разборчива стала, тебѣ бы барина, онъ бы присватался, такъ ты, поди, не прочь бы. По барину говядина; по Сенькѣ и шапка.

А одна изъ сестеръ сказала:

— Полно манить-то [1]), женихъ не женихъ, а добрый человѣкъ. Къ намъ бывало, изъ *отрепнаго* [2]) прихода сватались, и то мы такъ не ревѣли. А я еще, бывало, нарочно оболокусь въ хорошое платье; да двухъ, трехъ жениховъ въ вечеръ и перегляжу. Да отъ всякаго, по твоему, и и плакать?

Одѣвшись, невѣста сѣла на переднюю лавку подъ божницей. Женихъ, его отецъ дядя, сестра и сватъ, войдя въ избу и перекрестившись, поклонились Аннушкѣ, которая чуть замѣтно, шевельнула головой на ихъ привѣтствіе. Женихъ сѣлъ около невѣсты на стороннюю лавку, не много наискось отъ нея, а его родня напротивъ ихъ, по срединѣ избы, на скамейку.

Немного погодя, начались съ невѣстиной стороны распросы.

— Земли-то у васъ сколько? спрашивала невѣстина сестра женихова отца.

— Пока еще душовой надѣлъ, а тамъ прикупить надо будетъ. Я землю-то больше кортомлю. Нонѣ у меня было 200 грудъ овса, 140 сусловъ ржи, 40 грудъ ячменю и 60 грудъ пшеницы [2]).

— Ладно, а скотинки-то сколько? спросила мать.

— И скотинка есть, двѣ коровки, телушка, двѣ овцы, да лошадка.

— Что на счетъ крестьянскаго заведенія, то у него всего вдоволь; небось, не побѣжитъ хозяйка въ чужую избу просить, все подъ рукамъ: и посуды, и одежи много, сказала сестра жениха.

— И сани хорошія, и сбруя, и дуга золоченая, есть на чемъ о маслинѣ прокатиться; сказалъ дядя.

---

[1]) Плакать.

[2]) Отрепнымъ приходомъ называется тотъ приходъ, гдѣ большая часть крестьянъ бѣдныхъ и не имѣющихъ для дочерей порядочной скруты. Отрепнымъ приходомъ называютъ также Янгосорь и другіе, въ которыхъ крестьяне въ будни и въ праздники носятъ старинный костюмъ, какъ-то: вмѣсто сюртука армякъ и сибирки; вмѣсто платья сарафанъ и больше ходятъ въ лаптяхъ

[3]) Изъ записокъ: слово въ слово.

— Вотъ, все, что на немъ, все — ихнее, не чужое, сказалъ сватъ указывая на жениха.

— Чужова мы не одѣнемъ, замѣтилъ отецъ.

— Сюртукъ-то на немъ съ иголочки, новый; вишь, какъ сидитъ, словно, говоритъ. И жилеточка славная, и манишечка, и галстукъ [1]); рубаха кумачная, питерская; брюки новые, тонкаго сукна, а сапоги — вытяжные. Сюртукъ-то стоилъ 15 цѣлковыхъ. А посмотрѣли бы, дома-то сколько у него добра! говорилъ сватъ.

— Парень тихій, смирный: собаки не обидитъ, перебила его сестра жениха; не пьяница: капли въ ротъ не беретъ.

— А чтобы намъ поладить съ вами, сказалъ отецъ жениха, вставая и подходя къ хозяйкѣ, такъ и быть для сына все сдѣлаю: полюбилась ему ваша дочка, проситъ меня сосватать. Хлопнувъ по рукѣ хозяйки: вотъ вамъ 100 рублей [3]) подвозу, шуба суконная, повязка, янтари на шею, и столы на свой счетъ подниму и невѣсту наряжу, какъ надо.

Я взглянулъ на Аннушку, которая все время сидѣла, потупивъ глаза, а тутъ, какъ отецъ жениха всталъ, подошелъ къ матери и ударилъ по ея рукѣ, она подумала, что уже все рѣшено, вздрогнула и поблѣднѣла.

Послѣднія слова женихова отца, нѣсколько подѣйствовали и на прочихъ. И женихъ сталъ смѣлѣе глядѣть на Аннушку; а до этого времени только скоса и изрѣдка поглядывалъ на нее. А хозяйка улыбнулась и весело сказала:

— Рада, рада, да какъ Аннушка?

Одна изъ сестеръ, взглянувъ на нее, замѣтила:

— Да, надо спросить Аннушку: любъ ли ей женихъ?

Аннушка молчала.

— А что, вѣдь, мѣсто-то не худо посмотрѣть, сказала другая сестра Аннушки.

— Да, да, проговорила первая.

— Такъ что жъ, сказалъ жениховъ отецъ, милости просимъ, хоть завтра приходите.

— Вотъ и ладно, сказала старшая сестра вставая, а мы тутъ подумаемъ, да и сестру-то спросимъ: согласна ли она?

---

[1]) Платокъ цвѣтной шелковый.

[2]) Ассигнаціями.

Всѣ въ избѣ встали; женихъ и его родня, помолясь Богу, простились.

— Ну, вотъ, дура, и смотрины тебѣ, чего плакала? сказала Аннушкѣ старшая сестра, подойдя къ ней: стрѣляй ворону, стрѣляй сороку, доберешься и до яснаго сокола: одинъ женихъ прочь, другой всочь. А и этотъ женихъ не худъ, сказала она матери.

— Да, женихъ не худъ, и на лицо ничего, повторяли всѣ.

— Ты замѣтила, Надежа, я-то не высока, а онъ еще ниже меня, шепнула Аннушка подругѣ. Ну, что, я развѣ не правду вамъ сказала, обратилась Аннушка ко мнѣ, что онъ въ пѣстуны мнѣ годится. Небось, сами видѣли, какъ онъ насупился, да нахмурился и хоть бы слово сказалъ, молчалъ: словно, языка нѣтъ, боялся говорить, неравно, народъ насмѣшитъ.

— Молчи, Питерянка; я знаю, по твоему, глупъ парень, если онъ на одной ногѣ не вертится, перебила ее мать, услыхавъ ея слова: чѣмъ этотъ женихъ худъ, чѣмъ?

— Вѣстимо, городовой женихъ лучше, заступилась старшая сестра, у того каждое слово въ стѣну годится [1]), шутить пойдетъ, такъ любо слушать. Умный парень: красно говоритъ, баско ходитъ. За то и сто рублей сверхъ наряду просилъ.

— Съ вами пива не сваришь! то худо говоритъ, то ростомъ малъ, то не баско одѣвается, проговорила мать.

— А что жъ за худова-то выходить, онъ вѣдь рябой, и дуракомъ прозвали, лучше въ дѣвкахъ просидѣть, замѣтила одна изъ подружекъ.

— Знаю, знаю; вамъ хоть хлѣба ни куска, да, знай, дѣтинка безъ уска, молодъ бы только, да хорошъ бы былъ! сказала хозяйка

Во все время, пока женихъ сидѣлъ въ избѣ, на улицѣ у оконъ происходили шумъ, хохотъ и даже драка. Молодцы этой деревни и бабы, толкая другъ друга, лѣзли въ окно поглядѣть жениха; ихъ въ избу не пускали.

МѢСТО СМОТРѢТЬ.

На другой день мать, двѣ сестры и братъ Аннушки отправились къ жениху *мѣсто смотрѣть*. Женихъ и отецъ его ласково приняли ихъ,

---

[1]) Записано со словъ.

напоили чаемъ и показали все, что имѣли. Водили ихъ и въ горницу, и въ чуланъ, и наконецъ спустились въ хлѣвъ. Тутъ братъ невѣсты вышелъ на улицу и, растворивъ ворота, сказалъ:

— Скотинка хороша, да своя ли? Позволь на дѣлѣ узнать: своя, такъ не выйдетъ, а чужая не останется.

Минутъ съ пять простояли ворота настежъ, скотъ стоялъ на мѣстѣ.

— Своя, сказалъ братъ, запирая ворота. А было разъ, я эдакъ же, только что растворилъ ворота, скотинка-то и ну выходить со двора на улицу, да и пошла къ той избѣ, откуда взята была на это время.

Осмотрѣвъ скотину, одежу жениха, сбрую и самую избу, не забывъ даже и глиняной и деревянной посуды, какъ-то: горшковъ, крынокъ, плошекъ, деревянныхъ чашекъ, кадушекъ, ручевокъ и проч., невѣстина родня возвратилась домой, и принялась уговаривать Аннушку. Но какъ не билась она, а никакъ не могла уговорить ее.

— Не любъ, да и кончено.

— Ну коли не любъ, такъ что и говорить. Ты еще молода, успѣешь найти жениха и по мысли; сказала старшая сестра.

— Эй, смотрите, не больно разбирайте жениховъ-то; полюбится, такъ покажется и ястребъ вмѣсто яснаго сокола, али чортъ яблочкомъ. Не равно, нарвется на строгова мужа; а сами, небось, знаете, жена у строгова мужа ходи по одной половичкѣ, на другую не ступай; будь тиха, смирна, а пуще не шали. А такова-ли она? то—то.... замѣтила мать.

Тѣмъ и кончились сватовство и смотрины въ Чемодановѣ. Смотрины были по-просту, безъ церемоній, на скорую руку. Хозяйкѣ надоѣло угощать жениховъ, потому что къ ея Аннушкѣ сватался уже пятый женихъ въ какіе-нибудь полгода. Мнѣ привелось видѣть нѣсколько такихъ дѣвушекъ, какъ Аннушка, и даже болѣе занятыхъ собою, хотя менѣе красивыхъ, и подальше отъ города. Одна дѣвушка, не желая идти за-мужъ за такаго жениха, каковъ былъ Аннушкинъ, нажевалась волчьихъ ягодъ; отъ того у ней и губы и во рту изъѣло и *вздернуло* пузырями.

Теперь я разскажу, какъ происходили сватовство и смотрины у дворовыхъ людей сельца Булакова, прихода Благовѣщенья на Ербугѣ, въ 25 верстахъ отъ г. Вологды. Надо замѣтить, что это была первая

---

[1]) *По вольному,* т. е. какъ играютъ свадьбы всѣ вообще вольные.

свадьба, которую у дворовыхъ играли *по-вольному* [1]): вѣроятно, потому что они освободились отъ крѣпостной зависимости. ***Вольная*** свадьба играется веселѣе, нежели свадьба крѣпостныхъ болѣе дальнихъ приходовъ отъ города; эту свадьбу подгородные крестьяне называютъ *залиской* свадьбой, по приходу, который находится въ лѣсу, въ глуши. Въ первой свадьбѣ болѣе разгула и вольности и болѣе церемоній; не даромъ говорятъ: «у вольныхъ и бѣднякъ, да всю церемонію справитъ.» И потому въ ней нѣсколько менѣе слезъ и горя; особенно когда женихъ въ избѣ у невѣсты; при немъ даже очень рѣдко и мало причитаютъ.

СВАТОВСТВО.

Незнакомый сватъ, бажатко [1]) жениха, побывавъ нѣсколько разъ въ селѣ, гдѣ жила невѣста, и, порасспросивъ у сосѣдей о ея поведеніи, явился къ ней въ избу.

— Здравствуйте, добрый хозяинъ и добрая хозяйка и ты, красная ягодка. Каково Господь васъ милуетъ, каково живется, можется, все-ли въ добромъ здоровьѣ?

— По маленьку, добрый человѣкъ, по маленьку; отвѣтили старики.

— Ну, и слава Богу! здоровье пуще всего. А я пришелъ къ вамъ по важному дѣлу. У васъ есть *бѣлый кормъ*, проговорилъ онъ, взглянувъ на невѣсту, которая пряла,—красотка; у васъ есть продажа, у насъ есть купецъ.

— Милости просимъ, пріѣзжайте посмотрѣть; сказали старики

— А когда можно пріѣхать?

— А хоть завтра; али когда изладитесь, тогда и милости просимъ: будемъ рады гостямъ.

— Спасибо на добромъ словѣ, хозяинъ и хозяюшка. Позвольте узнать, какъ васъ звать, да величать?

— Николаемъ Авдѣичемъ, да Акулиной Александровной; отвѣтила старуха.

— А красотку-то какъ? взглянувъ на нее, промолвилъ сватъ

— Лизой, отвѣтилъ старикъ.

---

[1]) Божатко—крестный отецъ.

— А позволь спросить, добрый человѣкъ, какъ тебя зовутъ и откуда женихъ? спросила старуха.

— Меня зовутъ Дормидономъ, а женихъ изъ села Трофимова, скотника сынъ; можетъ, слыхали?

— Какъ не слыхать, слыхали.

— Парень умный, тихій, не гулящій: копѣйки не прогуляетъ. Барыня любитъ. А въ избѣ у стариковъ его полная чаша всего; такіе радушные, простые старики: рады бѣдному послѣднее отдать. А ужь угощаютъ о праздникахъ, такъ угощаютъ: у нихъ тверезый не уйдешь, допьяна напоятъ. И ѣдятъ все сладкое, да скусное; въ ѣду только и живутъ. Мѣсто славное для вашей красотки; ни кѣмъ не будетъ обижена: ихъ только трое и есть, большихъ-то; а то дочка еще, да та невѣста, поди нонѣче отдадутъ, да мальчишечка 13-ти годковъ. Будетъ ваша дочка и сыта и довольна: будетъ какъ въ маслѣ сыръ кататься, ужь будетъ. И парочка-то какая! взглянувъ на невѣсту; и Лиза-то ваша, я вижу, скромница, да и женихъ-то ужь куда какъ тихъ, да смиренъ.

— А какой нарядъ-то просятъ? спросила старуха.

— Да что нарядъ? Коли у дѣвки въ головѣ умъ разхожій, такъ юбка не дорога. Нарядъ-то на грядкѣ, а умъ-отъ на лавкѣ: и нарядна, да глупа. Ужь, вѣстимо дѣло, одѣнете, какъ нужно и дадите скруту, какая имѣется. Да объ эфтомъ завтра съ Тихономъ потолкуете. А коли дѣло у насъ пойдетъ на ладъ, такъ, смотрите, свадьбу играть *по-вольному*; сказалъ сватъ улыбаясь. Завтра до сумерекъ ждите насъ; прибавилъ онъ, уходя изъ избы.

Лиза смирная, тихая дѣвушка, встала изъ-за пряселки и утерла слезинку.

— Чего плачешь, глупая? спросила ласково старуха.

— Матушка! бросилась Лиза на грудь матери; прости меня; я оставлю тебя скоро; я оставлю тебя, батюшка,—и милыхъ братцевъ и подружекъ оставлю.

— Не плачь, дурочка, цѣлуя сказала мать; и порѣшено будетъ у насъ дѣло, такъ Трофимово, сама знаешь, не далеко; буду бѣгать къ ебѣ,—и ты меня не станешь забывать. А мѣсто и вправду хорошое, богатое мѣсто; женихъ не дуракъ; и отцы почетные. Я про нихъ не разъ слыхала вѣсти хорошія: больно хвалятъ.

СМОТРИНЫ.

На другой день, около сумерокъ, сватъ, женихъ, его отецъ и божатка (крестная мать жениха) пріѣхали въ село, въ другую избу; а къ невѣстѣ послали сказать: чтобы она одѣвалась, что женихъ пріѣхалъ ее смотрѣть. Лизу нарядили въ шерстяное платье, надѣли на голову атласную повязку и посадили за столъ подъ божницу на переднюю лавку. Извѣстно, безъ слезъ это не могло обойтись. Она два раза падала на грудь матери и рыдая говорила:

— Видно я тебѣ, матушка, и тебѣ, батюшка; видно я, бѣдная, много вамъ надосадила, много напрокучила. Видно я, горькая, дочка не слухмяная, неразумная, не работница, что сбываете вы меня, бѣдную, на чужую сторону, въ чужіе люди. Каково-то мнѣ будетъ жить у нихъ, каково-то привыкать на чужой сторонѣ? [1])

Пока невѣста одѣвалась, въ избу собрался народъ: молодцы, дѣвушки, старухи и бабы этого села.

Женихъ и его родня вошли въ избу; Лиза встала; а они помолившись Богу, поклонились ей, старикамъ, братьямъ, сестрѣ ея и всѣмъ, кто былъ въ избѣ. Лиза отвѣтила имъ низкимъ поклономъ.

— Милости просимъ, садитесь; сказали старики, отодвинули столъ и пропустили жениха на его мѣсто. [2]) Женихова родня сѣла по лавкамъ; сватъ около Тихона, женихова отца, и изрѣдка говорилъ ему про невѣсту:

— Невѣста смирная, славная невѣста, не баловница; посмотри-ка, какая, словно, мякишь, что тебѣ подушка! едреная.... и старики простые.

— Дѣвушки, сядьте за столъ, да позабавьте жениха-то: поиграйте съ нимъ въ карты; сказала сестра невѣсты.

Подружекъ пять сѣло за столъ. Сестра невѣсты, Катя, стасовавъ карты, раздала ихъ. Началась игра въ дурачки; дѣвушки старались оставить жениха дуракомъ. Невѣста также играла. Когда кончилась игра,

---

[1]) Записано со словъ.

[2]) Женихъ всегда садится на смотринахъ за столъ, наискось невѣсты, на стороннюю лавку подъ божницей.

дѣвушки сказали, сколько разъ невѣста оставила жениха въ дуракахъ. Во время игры дѣвушки забавлялись другъ надъ дружкой, также и надъ женихомъ: смѣялись, крали карты, невѣрно ходили; женихъ замѣчалъ и улыбаясь говорилъ:

— Постойте, дѣвушки, вы не такъ ко мнѣ сходили: семерка, осмерка, да девятка.

Дѣвушки хохотали. Если же женихъ не замѣчалъ ихъ плутовства, то онѣ пересмѣивались между собой. Когда женихъ и невѣста играли въ карты, женихова родня поглядывала на невѣсту, а невѣстина—на жениха. Кончивъ игру въ карты, дѣвушки вышли изъ-за стола, а сватъ подошелъ и сказалъ:

— Ну-ка, женихъ да невѣста, встаньте-ко, да выйдите-ко на середку, да пройдитесь; не хромой ли кто изъ васъ?

Женихъ и невѣста, улыбаясь, вышли изъ-за стола и встали поодаль другъ противъ дружки. Невѣста первая подошла къ жениху и возвратилась на свое мѣсто, гдѣ стояла; потомъ подошелъ къ ней женихъ и отошелъ также на свое мѣсто. Въ это время они не могли поднять глазъ другъ на друга: имъ было смѣшно; невѣста, какъ не была скучна, но раза два улыбнулась. Послѣ этой прогулки они опять сѣли на свои мѣста. А Тихонъ, крестная мать жениха съ отцемъ и матерью Лизы пошли въ чуланъ, смотрѣть ея нарядъ,—приданое. Въ чуланѣ, прежде всего мать невѣсты стала показывать теплую одежду:

— Вотъ салопъ бѣличій, *лонесь* [1]) только сдѣлали, 20-ть цѣлковыхъ стоилъ; вотъ шубка на зайчемъ мѣху; бархатная шубка [2]); сатиновое пальто и терновое; шинелька на ватѣ [3]); теплушка ситцевая [4]) за просто носить. Вотъ платья: шелковое, два шерстяныхъ, три ситцевыхъ, два сарафана; фартучки. Вотъ тутъ 30 рубашекъ [5]); наспишники съ узорами, съ кружевами; Лиза сама вязала, сама и узоры выкладывала; вотъ простыни, бранная простыня [6]); скатеретки, бранная ска-

---

[1]) *Лонесь*—прошлый годъ.

[2]) Шубка на ватѣ, покрытая бархатомъ малиноваго цвѣта и опущенная бѣличьимъ мѣхомъ.

[3]) Пальто съ тальей.

[4]) Куцавейка.

[5]) 30 рубашекъ—богатая невѣста.

[6]) Довольно тонкая простыня, нарочно для свадьбы ткется; съ лентой изъ атласной розовой матеріи въ четверть ширины и на поларшина съ узорами и кружевами.

терть. А вотъ тутъ платки: шали, подшальники, фаты, молчановскіе платки; повязки: бархатная и атласныя; цвѣты, ленты *баскія*; кушаки: два резвнчатыхъ съ пряжками; ленты атласныя, шелковыя, на мѣсто кушаковъ одѣваетъ; воротнички, ленточки на шею. А вотъ коробка съ янтарямъ, съ бусамъ, съ бруслетамъ, съ бархатцамъ [1]), съ сережкамъ, съ кольцамъ. Вотъ и все, что имѣетъ моя Лиза, сказала старуха.

— И того довольно, замѣтилъ Тихонъ; пуще невѣста-то была-бы кроткая дѣвушка.

— Лиза у меня и водой не помутитъ.

Вошли въ избу, гдѣ женихъ и невѣста съ дѣвушками опять играли въ карты. Тихонъ сѣлъ около свата, который потихоньку заговорилъ съ нимъ:

— Ну, что? Каковъ нарядъ, какова скрута?

— Ничего, скрута богатая, всего довольно.

— А невѣста по нраву?

— Хороша и невѣста.

— Такъ чтожь, выйдемъ за дверь, потолкуемъ, да спросимъ Василья: люба-ли ему? да и по рукамъ.

Женихъ, Тихонъ, сватъ и божатка вышли изъ избы.

— Ну, что́, Василій, люба-ли невѣста?

— Люба.

— А тебѣ люба? опять обратился сватъ къ Тихону.

— Я ужь тебѣ сказалъ, что люба.

— Такъ позовемъ его родню, что она скажетъ.

Сватъ вошелъ въ избу и обратился къ невѣстиной роднѣ.

— Пожалуйте на минуточку.

Старики, братья и сестра Лизы вышли на дворъ.

Тихонъ и женихъ поклонились.

— Любъ-ли вамъ женихъ? сказалъ его отецъ.

— Любъ, отвѣтила родня невѣсты.

— А коли любъ, такъ и по рукамъ; гольемъ я ничего не прошу, а ужь дары, вѣстимо, надо: мнѣ, да сыну-мальчику по рубашкѣ, а женѣ, да дочкѣ по платью; а другой роднѣ, ужь сами знаете, по платку, да по другому.

— Ладно, сказала родня невѣсты; милости просимъ въ избу.

Всѣ вошли въ избу; женихъ посмѣлѣе сталъ. Одинъ изъ молодцовъ

[1]) Бархатные браслеты.

игралъ на гармоніи; онъ подошелъ къ нему и попросилъ ее. Ему дали, онъ заигралъ и сталъ расхаживать по избѣ; видно было, что жениху хотѣлось проплясать козачька. Одна изъ старухъ, замѣтя это сказала:

— Попляши-ка, Василій Тихонычъ.

Женихъ хотѣлъ было разокъ пройти; но дѣвушки и молодцы захохотали. И одинъ изъ нихъ подошелъ къ свату и шепнулъ ему на ухо:

— Дормидонъ, возьми у жениха-то гармонію, да не вели ему плясать; вѣдь, не хорошо, онъ себя этимъ срамитъ.

Женихъ, какъ простой малый, которому понравилась невѣста и всѣ, кто былъ въ избѣ и даже самая изба, не думалъ, что онъ насмѣшитъ народъ, если возьметъ въ руки гармонію.

Сватъ поспѣшилъ взять ее у жениха и сказалъ на ухо:

— Что народъ-то смѣшишь, сѣлъ-бы на мѣсто, да кисъ-бы на немъ, коли манеръ не знаешь; а то дуракомъ прослывешь.

— Милости просимъ за столъ, нашего хлѣба, соли откушать; сказала въ это время сестра невѣсты.

Женихова родня и женихъ сѣли за столъ; невѣста оставалась на своемъ мѣстѣ. Согрѣли самоваръ; напоили чаемъ и подали закусить: кулебяку и круглый пирогъ со пшеномъ. Невѣста вставала и кланялась:

— Кушайте, Василій Тихонычъ, кушайте. [1])

— Не просите, Лизавета Николаевна, право сытехонекъ; отвѣчалъ женихъ.

— Хоть маленько отвѣдайте; говорила невѣста.

И женихъ, хоть-бы какъ сытъ не былъ, долженъ былъ исполнить ея просьбу.

— Кушайте, Тихонъ Поликарповичъ, Миронея Липантьевна, Дормидонъ Васильевичъ; кушайте.

— Не безпокойтесь, Лизавета Николаевна, не просите, много довольны; говорилъ сватъ.

— Кушайте, кушайте... просила вся родня невѣсты, низко кланяясь.

— Проси хорошенько, проси; толкала сестра невѣсту. Лиза подымалась и снова просила.

---

[1]) Записано со словъ. Впрочемъ, чтобы избѣгнуть этихъ объясненій, я разъ и навсегда скажу, что почти всѣ разговоры крестьянъ были записаны со словъ.

— Посмотрите-ко, говорили подружки одна другой; женихъ-то какъ ротъ распялилъ; не равно муха влетитъ, бѣды надѣлаетъ.

— Гляди-ка ты лучше, какъ онъ губы-то надулъ, да сморщился, словно, что горькое съѣлъ.

— Это еще что, а поглядѣли-бъ вы, какъ онъ цѣлуется-то; мнѣ привелось разъ о посидѣлкахъ цѣловаться съ нимъ, да и закаялась. У него губы-то толстыя, ротъ завсегды розѣтъ; а какъ цѣловаться, онъ еще больше розенетъ его, губами-то и сожметъ твои губы, словно, откусить ихъ хочетъ. И губы-то у дѣвушки всѣ слюнями замочитъ; а ей, вѣстимо дѣло, не больно-то пріятно; скорѣй наровитъ вытереть ихъ. А знаете, у него изорту-то гнильемъ воняетъ; говорила третья дѣвушка.

Напившись чаю и закусивъ, женихъ, его отецъ, божатка и сватъ вышли изъ-за стола и помолившись Богу, благодарили невѣсту и ея родню:

— Спасибо за хлѣбъ, за соль, за угощенья.

— Просимъ не осудить; отвѣчала родня невѣсты.

— Чтожь, когда на сидины-то пріѣзжать? спросилъ жениховъ отецъ.

— А хоть въ это воскресенье; въ три-то дня успѣемъ изладиться; намъ не приданое шить: сказала Катя, сестра невѣсты.

— Ладно, промолвилъ Тихонъ.

Когда ушли они, и народъ сталъ расходиться. Лиза заплакала, подошла къ подружкамъ и сказала имъ:

— Милыя подруженьки, не забывайте своей Лизы при послѣдней порѣ-времячкѣ; жалуйте къ ней.

— Да, голубушки, не забывайте ее; повторила мать.

— Ладно, ладно, отвѣтили подружки и стали выходить изъ избы.

Сватовство и смотрины въ свадьбѣ крѣпостныхъ, которая игралась не *по вольному*, происходили и происходятъ совершенно также. Перемѣны бываютъ небольшія, смотря потому богатыхъ или бѣдныхъ родителей невѣста.

РУКОБИТЬЕ И ПРАСКІЯ СИДИНЫ.

На другой день послѣ смотринъ, утромъ до свѣту, братья Лизы, подаривъ ей каждый по 3 рубля, поѣхали въ городъ закупать дары, водки, говядины, крупчатки, пшена, меду, изюму и проч. Акулина, мать невѣсты, истопивъ печь и обрядившись, поставила въ нее двѣ большія корчаги солоду для пива и стала съ Катей мыть избу и посуду; старикъ также

имъ помогалъ. Лиза пришивала къ полотенцамъ узоры и кружева. Вечеромъ пришли къ невѣстѣ на посидѣлку подружки и стали также помогать ей шить. Вскорѣ пріѣхали съ покупками и братья Лизы.

Весь этотъ день и слѣдующіе два дня прошли въ хлопотахъ, да въ работѣ. На второй и третій день дѣвушки почти съ утра до вечера сидѣли съ невѣстой: однѣ изъ нихъ шили рубашки, другія—платье. Во время работы подружки вспоминали о Филиповкахъ, какъ въ прошломъ году гуляли на посидѣлкахъ; или говорили о нарядахъ, кому и что отцы готовятъ къ празднику, — Медостову дню; или про молодцовъ: кто изъ нихъ красивѣе, забавнѣе и удалѣе. Онѣ придумывали, какъ-бы въ тотъ день, въ который будутъ отгостки, устроить посидѣлку, и отчасти радовались, что выдаютъ ихъ подругу; онѣ надѣялись, что это время проведутъ нѣсколько веселѣе.

— А что, дѣвушки, вѣдь, свадьба-то для насъ все одно что праздникъ: подружекъ соберется много; поболтаемъ, посмѣемся, попричитаемъ, поѣдимъ пряниковъ, орѣховъ, пироговъ; и на церемонію-то поглядимъ, вѣдь, свадьба-то *по вольному* будетъ играться. А пуще всего и молодцы въ свадебный-то день прилутъ; а съ ними весело будетъ; посидѣлку сладимъ,—сказала одна изъ подружекъ.

Другія дѣвушки за это на нее накинулись: имъ досадно было, что она сказала вслухъ всю правду; онѣ и сами тоже самое думали, да не высказывали.

— Ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами;—толкнувъ ее, сказала одна изъ нихъ.

Въ тотъ день, въ который назначены были сидины, Акулина,мать невѣсты, начала обряжаться утромъ ранымъ ранехонько; до свѣту истопилась печка, были готовы пироги и жаркое. Она испекла 30 пироговъ, изжарила полбарана, выставила на холодъ въ чуланъ 7 большихъ плошекъ студени, наварила два большихъ горшка щей и мастерски приготовила въ маслѣ изъ бѣлаго тѣста множество различныхъ фигуръ, такъ называемыхъ *невѣстиныхъ конфектъ*, какъ-то: пѣтушковъ, лѣсенокъ, наперстковъ, лошадокъ, витушекъ и проч. Обрядившись и пообѣдавъ, Акулина и Катя натыкали спичекъ изъ лучины, между бревенъ подъ полавошниками и развѣсили 16 полотенецъ съ узорами, которые были въ поларшина въ длину и менѣе и изображали небывалыхъ птицъ и цвѣты. Узоры эти сама Лиза ткала и вышивала; а другія невѣсты, у которыхъ нѣтъ своихъ наспишниковъ, просятъ ихъ у подружекъ на это

время. Вывѣшиваніемъ полотенецъ показывается, что невѣста трудолюбива; что она *ткаха* и *пряха*.

Когда уже начало смеркаться, пришли крестная мать и одна изъ замужнихъ сестеръ Лизы и стали одѣвать невѣсту въ лучшую *скруту*. На нее надѣли хорошенькое клѣтчатое, шерстяное платье, черненькій каленкоровый фартучекъ, розовый кушакъ, а на голову атласную повязку. Лиза безъ всякихъ бѣлилъ и румянъ была бѣлая и румяная дѣвушка; но сестры ея нашли, что ей непремѣнно нужно набѣлиться и нарумяниться. И потому, не зная вполнѣ этого искусства, налѣпили толстымъ слоемъ на лицо Лизы мѣлу и раствору краснаго сандала. Одѣвши, невѣсту посадили въ кутній уголъ, [1]) гдѣ окружили ее пришедшія подружки, свои и сосѣдняго села и также нѣсколько бабъ и старухъ.

Только что кончился туалетъ Лизы, который продолжался по крайней мѣрѣ 2 часа,—какъ мальчишки вбѣжали въ избу и закричали:

— Женихъ пріѣхалъ, женихъ; и съ попомъ пріѣхалъ.

Въ избѣ всѣ засуетились. Братья Лизы поспѣшили зажечь на столѣ двѣ свѣчи; а старики вышли на середину избы.

Чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ сватъ и спросилъ:

— Изладились-ли?

— Милости просимъ,—отвѣтили ему.

Сватъ ушелъ. Женихъ и его родня, скинувъ шубы и оправившись въ сосѣдней избѣ, пошли за сватомъ къ невѣстѣ.

Вошелъ первый въ избу священникъ съ крестомъ, за нимъ сватъ, женихъ, отецъ и мать его, божатка, братъ, сестра, дяди и тетки: и всѣ остановились подъ полатями.

РУКОБИТЬЕ.

Сватъ подошелъ къ отцу и матери невѣсты и сказалъ:

— Здравствуйте, сватъ и сватьюшка, ждали-ли гостей на сегоднишній день?

— Милости просимъ, дожидалися,—кланяясь отвѣтили старики.

— Ну сватъ и сватьюшка, чѣмъ вы свое дитя надѣляете?

— Надѣляемъ Пресвятой Богородицей Казанской;—отвѣтилъ отецъ

---

[1]) Тотъ уголъ, гдѣ божница, называется переднимъ; а противуположный уголъ, напротивъ печки, называется кутнимъ угломъ.

невѣсты.—А вы чѣмъ свое дитя награждаете?—Спросилъ онъ женихова отца, который выступилъ изъ подъ-полатей.

— Николой Милостивымъ—отвѣтилъ Тихонъ,

Въ это время подружки вывели невѣсту подъ руки изъ кути къ воронцу. [1]) Невѣста однимъ поклономъ поклонилась жениху и всей его роднѣ и осталась на мѣстѣ, поддерживаемая подъ руки подружками.

Невѣстинъ отецъ, получивъ отъ женихова отца отвѣтъ, чѣмъ онъ награждаетъ своего сына, подалъ ему свою руку. Сватъ немного помѣдливъ, съ-разу рознялъ ихъ руки; невѣста зарыдала и подвинулась назадъ; подружки плачевнымъ голосомъ запричитали:

Не ключики брякнули,
Не замочки щелкнули,
По рукамъ сваты ударили.
Запоручилъ сударь, батюшка
За поруки, за крѣпкія,
За замки, да за желѣзные,
За письма, да вѣковѣчныя.

ПРАСКІЯ СИДИНЫ.

Когда дѣвушки кончили причетъ, священникъ отпѣлъ молебенъ и благословилъ всѣхъ крестомъ. Женихъ и невѣста во время молебна стояли вмѣстѣ, за священникомъ, и первые подошли ко кресту; за ними и вся родня невѣсты. Женихова родня подходила ко кресту у себя дома, гдѣ также служили молебенъ передъ отъѣздомъ къ невѣстѣ. Когда кончили прикладываться ко кресту, священникъ сказалъ жениху и невѣстѣ:

— Поцѣлуйтесь крестъ на крестъ.

Женихъ и невѣста, какъ сказано было, поцѣловались и пошли за столъ. Тогда попъ и всѣ гости сѣли по своимъ мѣстамъ: женихъ около божницы, по правую его руку невѣста; а по лѣвую подъ божницей попъ, возлѣ попа отецъ и мать жениха и вся его родня по старшинству; около невѣсты по правую ея руку сваха невѣстина. Гости, усѣвшись по мѣстамъ, какъ слѣдуетъ, молча, ждали даровъ.

---

[1]) Въ избѣ два воронца, четыреугольныхъ бревна, одинъ изъ нихъ на краю полатей, доски которыхъ укрѣплены на немъ; а другой идетъ отъ полатей къ переднимъ полавошникамъ и дѣлитъ избу на двѣ части: на передъ, гдѣ передній уголъ, божница; и на куть, гдѣ кутній уголъ, печка и голбецъ. Подъ полатями третья часть избы, называемая: у дверей.

Народъ столпившись стоялъ въ кути; впереди были дѣвушки, которыя разглядывали жениха и его родню, ихъ наряды, и какъ они себя держали за столомъ.

— Посмотри-ка, Дуняша,—тихо говорила одна изъ дѣвушекъ:— женихъ-то какимъ гоголемъ сидитъ; а, знаешь, видно ему отецъ-то сказалъ, чтобы онъ ротъ-то свой маленько позажалъ.

— Нѣтъ, Анна, ты лучше погляди, какъ его сваха-то разсѣлась; словно, барыня какая, и носъ подняла, думаетъ: то-ли не я. Экъ, намазалась-то какъ, словно о святкахъ. А нарядилась-то какъ!..

— А взгляни-ко сюда, Дуняша, какой этотъ важный,—видно, дядя жениху.

— Видно; а возлѣ-то его жена ему; вишь, какъ нахохлилась, ровно курица на яицахъ....

— А попъ-то, попъ-то, толкнула Анну третья дѣвушка: радуется, что дары-то ему будутъ, что попьетъ, да поѣстъ.

Старуха, мать невѣсты, стояла у сундука, около печки, и, выбравъ подшальникъ (большой шелковый платокъ), стряхнула его и покрыла имъ тарелку, которую держала младшая сестра невѣсты. Катя подошла къ столу и подала жениху на тарелкѣ платокъ:

— Извольте принять, Василій Тихонычъ.

Женихъ взялъ платокъ и, поклонившись, отдарилъ: положилъ на тарелку цѣлковый.

Акулина, убравъ деньги, накрыла снова тарелку бумажнымъ платкомъ и Катя подала попу, который никогда не отдариваетъ. Послѣ попа подали отцу и матери жениха и всей его роднѣ также по платку. Отецъ и мать отдаривали серебромъ; а прочая родня мѣдью: копѣекъ по 10-ти, 15-ти и болѣе; также и серебромъ, кто богатъ, или хотѣлъ показать себя; какъ напр. жениховъ дядя, котораго дѣвушки назвали важнымъ. Онъ, тряхнувъ даренымъ платкомъ, смялъ его и положилъ въ карманъ; не спѣша, досталъ изъ шароваровъ кошелекъ съ серебромъ и, вынувъ изъ него полтинникъ, улыбнувшись, взглянулъ на Катю и бросилъ его на тарелку.

Вся женихова родня въ это время улыбнулась: ей пріятно было, что этотъ богачъ имъ близкая родня и что всѣ въ избѣ обратили на него вниманіе; она гордилась имъ.

Катя, подавая дары, должна была передъ каждымъ, кому подносила ихъ, ждать съ тарелкой, когда отдарятъ.

Народъ лѣзъ впередъ, чтобы посмотрѣть дары, которыми покрыва-

ли тарелки для того, чтобы всѣ могли ихъ видѣть. Онъ также любопытничалъ, кто сколько положилъ на тарелку.

— Глядите-ко, подружки, — сказала одна изъ дѣвушекъ: — всѣ клали деньги-то тихо, а этотъ-то богачъ, какъ швырнулъ; видно, ему деньги-то ни почемъ.

— Эхъ ты, глупая,—замѣтила другая; — знаешь ли ты, для чего онъ такъ бросилъ полтинникъ-то свой? Чтобы онъ забрянчалъ; что, дескать, вотъ какая родня у жениха.

Послѣ даровъ поставили на столъ самоваръ и чашки; а Катя начала разливать чай. Жениху и невѣстѣ подали одну чашку и одинъ кусокъ сахару. Невѣста налила изъ чашки на блюдечко и, откусивъ сахару, хлѣбнула немного чаю и подала блюдцо жениху; а сама встала и сказала:

— Кушайте, Василій Тихонычъ.

Женихъ поклонился, откусилъ сахару, отпилъ чаю и возвратилъ блюдцо невѣстѣ, которая допила остатки и вновь налила изъ чашки на блюдцо. Невѣста всегда первая начинала пить чай и допивала остатки. И всякій разъ, подавая жениху блюдцо, кланялась и говорила:

— Кушайте, Василій Тихонычъ.

Когда всѣ досыта напились чаю, не выходя изъ-за стола, встали и поклонились старикамъ:

— Спасибо, сватъ и сватьюшка.

Катя убрала со стола самоваръ и чашки; а старшій братъ ея сталъ угощать водкой: сперва жениха потомъ попа и всѣхъ гостей. Акулина же мать невѣсты, въ это время, подала на деревянныхъ кружкахъ двѣ кулебяки (пироги съ рыбой), на блюдечкѣ разведеннаго въ квасѣ хрѣну и одну для жениха и невѣсты вилку.

Невѣстина сваха вскрыла кулебяки, вынула изъ нихъ рыбу и разрѣзала ихъ на части.

Невѣста первая взяла вилкой кусокъ пирога, откусила его, встала со своей свахой и, кланяясь, подала жениху, говоря:

— Кушайте, Василій Тихонычъ.

Въ то время, когда женихъ, поклонившись, принялъ кусокъ, невѣста и ея сваха кланялись попу и отдѣльно каждому изъ родственниковъ жениха и, величая ихъ по имени и отечеству, просили кушать.

— Кушайте, сваты и сватьюшки; говорили, также кланяясь, отецъ и мать невѣсты.

Женихъ, откусивъ раза два пирога, подалъ остатки невѣстѣ, которая и доѣла ихъ. Такимъ-же образомъ они ѣли и рыбу.

Послѣ кулебякъ подали въ двухъ плошкахъ студень съ квасомъ и со смѣтаной и груду деревянныхъ ложекъ; а жениху и невѣстѣ оловянную ложку. Невѣста со свахой, кланяясь, просила кушать. Послѣ поклоновъ невѣста сѣла и стала съ женихомъ ѣсть студень одной ложкой. Послѣ студени подали щи съ говядиной; потомъ — *ушну* (супъ изъ молока, баранины и яицъ); жаркое: баранину съ кортофелемъ; довольно большой круглый пирогъ со пшеномъ, круглый пирогъ съ яицами и наконецъ пироги: съ черникой, съ малиной, съ коринкой и съ изюмомъ, обмазанные сверху медомъ. Ягоды въ пирогахъ были предварительно перемѣшаны съ медомъ. Каждый пирогъ подавали одинъ послѣ другаго; и за каждой перемѣной невѣста и ея сваха вставали и, кланяясь, просили кушать.—Если невѣста забывала эту обязанность; то сваха дергала ее за платье и напоминала ей. Кушанья и пироги подавали мать невѣсты и Катя, и, подавая, также кланялись. Старшій братъ также не забывалъ своей обязанности: усердно потчивалъ по-очередно гостей водкою. Послѣ пирожнаго, какъ сами крестьяне называютъ сладкіе пироги, подали на двѣнадцати тарелкахъ *невѣстины конфекты* т. е. пѣтушковъ, лошадокъ, лѣсенки и проч.

— Э, — э, невѣста какая стряпуха;—хвалили и ѣли ея конфекты.

Подъ конецъ стола гости и вся родня женихова, благодаря старанію старшаго брата, порядкомъ подгуляли и сдѣлались гораздо веселѣе; разговоры пошли чаще и живѣе. Кончивъ обѣдъ, который продолжался слишкомъ 2 часа, всѣ вышли изъ-за стола, кромѣ жениха и невѣсты и, помолившись Богу, благодарили невѣсту и всю ея родню.

— Не осудите на хлѣбѣ, соли; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, — отвѣчали имъ.

Гости отошли въ сторону и сѣли на лавку, а женихъ насыпалъ на двѣнадцать тарелокъ кедровыхъ, шпанскихъ и каленыхъ орѣховъ, пряниковъ, рожковъ, винныхъ ягодъ, черносливу, изюму и *праскихъ* конфектъ,—въ красивыхъ бумажкахъ и съ грамотками. Всего было куплено рубля на три. Женихъ, кланяясь, просилъ невѣстину родню отвѣдать его гостинцевъ. Подходили по старшинству: сперва отецъ, потомъ мать и т. далѣе. Когда женихъ, подавая тарелки одну за другой, просилъ брать каждаго гостинца, дѣвушки бросили ему изъ кути зайчика, сдѣланнаго заранѣе изъ платка и изукрашаннаго шелковыми лоскутками и съ сережками въ ушкахъ. Женихъ и вся родня его поглядѣли, какъ

зайчикъ былъ сдѣланъ, и похвалили; а женихъ въ платокъ, брошенный нарочно вмѣстѣ съ зайчикомъ, завязалъ гостинцевъ и передалъего въ куть. Другой разъ покупаютъ нарочно бумажнаго зайчика съ золотыми ушками, котораго женихъ оставляетъ у себя. И кромѣ того ставятъ передъ женихомъ барашка изъ *огибки* [1]) изъ ржанаго тѣста. Послѣ невѣстиной родни женихъ потчивалъ подружекъ. Всѣ дѣвушки, сперва свои (т. е. изъ одного села съ невѣстой), а потомъ и чужія, подходили къ столу и брали понемногу каждаго изъ гостинцевъ.

Когда женихъ увидѣлъ, что больше уже не кому подходить къ столу, попросилъ у невѣсты платокъ, высыпалъ въ него оставшіеся гостинцы и отдалъ ей; а та передала своей свахѣ. Наконецъ женихъ и невѣста со свахой вышли изъ-за стола.

— Благодаримъ покорно за хлѣбъ, за соль, за угощенья, батюшка, матушка, братцы, сестрицы и всѣ вообще, — говорилъ женихъ, кланяясь.

Прочіе гости встали съ лавки и, также кланяясь, благодарили. Помолившись Богу и простившись, стали они выходить за попомъ и женихомъ изъ избы. Невѣста до дверей провожала жениха: шла съ нимъ рука за руку; а у порога они простились. Невѣсту подружки подхватили подъ руки и увели въ куть.

Черезъ нѣсколько минутъ женихъ и сватъ воротились въ избу, перекрестились и поклонились всѣмъ однимъ поклономъ. Сватъ, улыбнувшись, сказалъ:

— Ночевали—здорово? бѣда: шапки забыли.

Имъ подали шапки, которыя они нарочно оставили; а невѣсту вывели подружки изъ кути на середину избы и подали ей тарелку съ бумажнымъ платкомъ. Невѣста нѣсколько подвинулась къ жениху и, подавая ему платокъ, сказала:

— Извольте принять, Василій Тихонычъ.

Женихъ, поблагодаривъ, отдарилъ серебромъ. Мать взяла у невѣсты тарелку съ деньгами; а ей подала другую съ другимъ платкомъ для свата, который отдарилъ на шапкѣ мѣдью. Мать взяла деньги. Женихъ,

---

[1]) Огибкой называютъ крестьяне прѣсное ржаное тѣсто, изъ котораго дѣлаютъ они: рогульки, мучники и сочeники. Рогульки — небольшія лепешки съ творогомъ, каторфельной кашей, пшенной и овсяной крупой. Мучники гораздо толще рогулекъ; они болѣе похожи на ватрушки, и тонкимъ слоемъ обливаются жидкой гороховой кашицей. Сочeники — тонкіе полукруглые пирожки съ рѣпой.

прощаясь съ невѣстой, поцѣловалъ ее крестъ на крестъ и обратился кланяясь, къ ея отцу и матери:

— Батюшка и матушка! поили, кормили до возраста, попойте, покормите до злата вѣнца; не заставляйте ея ни толчи, ни молоть, ни ткать, ни прясть.

Женихъ и невѣста, помолясь Богу, пошли изъ избы. У порога невѣста поклонилась уходившему жениху и зарыдала; а подружки подхватили ее подъ руки и всѣ съ ней запричитали:

Не коря, я покорилась,
Не клоня, я поклонилась,
Что чужому-то чуженину,
Чуже сыну отецкому
И грозѣ молодецкой.

Кончивъ причетъ, подружки стали раздѣвать невѣсту; и уже сняли платье и повязку, какъ мать подошла къ ней, накрыла ее фатой (платкомъ) и посадила въ куть, въ самый уголъ. Невѣста, всплеснувъ руками, зарыдала и запричитала съ подружками:

Какъ покрыла родна матушка
Тонкимъ, бѣлымъ полотенечкомъ;
Посадила-то родимая
Меня въ куть да подъ окошечко, —
На дубовую на лавочку,
За бранную занавѣсочку.
Не велѣла-то родимая
Далеко ходить,—разхаживать,
Широко глядѣть,—разглядывать:
Только дала мнѣ родимая
Мнѣ единую половочку,
Мнѣ и ту да коротешенку:
Отъ кути да только до печи,
Отъ печи да до кадушечки,
До кадушечки дубовыя,
До ковша да до кленоваго [1].
До воды да до ключевыя,
До полотенца миткалиннаго,
До Спаса Пречистаго,
До Пресвятыя Богородицы.

Послѣ этого причета мать подошла къ невѣстѣ, сѣла возлѣ и обняла ее. Невѣста запричитала съ подружками:

---

[1]) Въ причитахъ тѣ слова, которыя у меня напечатаны съ окончаніемъ на *аго*, такъ и произносились.

Я гораздо тебѣ, матушка,
Я много надосадила,
Я много да напрокучила;
Я сусекъ хлѣба выѣла,
Я другой да испроторила;
Я колодецъ воды выпила,
Я другой да исполивала.

Когда подружки кончили причитать, мать невѣсты посадила ихъ за столъ и накормила остатками пироговъ и щей. За столомъ дѣвушки безпрестанно повторяли:

— Ну и сидины, славныя, знатныя сидины!

Бабы, старухи и чужія дѣвушки уже ушли; а такъ какъ уже было за полночь, то и свои дѣвушки, изъ одного села съ невѣстой, поѣвши, тотчасъ разошлись.

Мать подошла къ Лизѣ, сняла съ нея платокъ и, прослезившись, сказала:

— Ложись спать, мое дитятко милое.

Лиза не вытерпѣла, встала и упала на грудь матери и горько зарыдала.

Я видѣлъ свадьбу крѣпостныхъ, которая игралась не *по вольному*; въ ней сидины происходили нѣсколько иначе. Во первыхъ попа не было; впрочемъ надобно сказать, что онъ очень рѣдко бываетъ на сидинахъ; во вторыхъ, когда ударили сваты по рукамъ, то мать тотчасъ закрыла невѣсту платкомъ; а подружки, подхвативъ ее подъ руки, запричитали: «Не ключики брякнули» и увели въ куть, гдѣ невѣста, оставаясь подъ фатой до конца сидинъ, продолжала причитать: «Покрыла родна матушка.» Этотъ причетъ и первый составляли одинъ причетъ. Только при прощаньи съ женихомъ подружки выводили невѣсту изъ кути до воронца и приподнимали немного платокъ, чтобы можно было ему, прощаясь, поцѣловать невѣсту, и тотчасъ же опять закрывали ее и уводили въ куть. Такого роскошнаго стола не было; женихъ, отецъ его, братья, сестры и сватъ просто закусывали и потомъ потчивали своими гостинцами. Однимъ словомъ, не было такой церемоніи и роскоши, какъ у вольныхъ. И потому сидины въ этой свадьбѣ не назывались *праскими*, а просто сидинами.

ПРИЧЕТЫ НЕВѢСТЫ И ПОДРУЖЕКЪ ИЛИ ПРОМЕЖУТОКЪ ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ПРАСКИМИ СИДИНАМИ И ДѢВИЧНИКОМЪ.

На другой послѣ день праскихъ сидинъ въ понедѣльникъ, когда смерклось, дѣвушки, молодыя бабы и старухи того сельца пришли къ невѣстѣ на посидѣлку. Невѣста, покрытая фатой, и наклонившись, сидѣла въ кути и тихо плакала. Подружки, поздоровавшись съ ней, сѣли возлѣ нея.

Минутъ черезъ 10, невѣста, качая головой, въ полголоса, самымъ жалостнымъ, протяжнымъ тономъ запричитала. Дѣвушки и бабы одна за другой стали приставать къ ней помогать причитать. Причетъ былъ отцу, который со словъ: «я, родимова батюшку» подошелъ къ невѣстѣ со слезами на глазахъ и наконецъ, слѣдуя словамъ причета, сѣлъ возлѣ нея. Невѣста, поднявъ нѣсколько платокъ, обвила руками отца; а старикъ, обнявъ ее, опустилъ голову на ея грудь. Сосѣдняя дѣвушка поправила платокъ и закрыла ихъ обоихъ. Вотъ что причитали подружки:

Отокрою, молодёшенька,
Отокрою, зеленёшенька,
Тонко бѣло полотенечко;
Погляжу я, молодешенька,
Вдоль по свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ;
Погляжу я, молодешенька,
Сквозь туманъ, да горючи слезы;
Огляжу я, молодешенька,
Моего роднова батюшку.
Ужь ты, свѣтъ, да ро́дный *) батюшка,
Мое красное-ты солнышко!
Ты послушай, родный батюшка,
Я объ чемъ тебя просить буду:
Подойди-ко, родный батюшка,
Ты ко мнѣ, да къ молодешенькѣ;
Ужь ты сядь-ко, родный батюшка,
По мою да руку правую;
Подержи-ко, родный батюшка,
У сердца̀ да у ретиваго,
У лица да у бумажнаго;
Поучи-ка, родный батюшка,
Ты къ уму меня, ко разуму,
Ко всему меня, ко хорошему.

---

*) Слово родной выговаривали такъ: ро́дный

Ужь какъ мнѣ, да молодешенькѣ,
Ужь какъ мнѣ, да зеленешенькѣ
Какъ и жить да во чужихъ людяхъ,
У чужова отца, матери,
У чужова-то чуженина,
У чужа сына отецкаго
У грозы да молодецкой:
Я дитя да не ученое,
Я дитя да не тореное,
Я невѣста да не взрослая
Я съ добрымъ людямъ не сверстная.

Во время причета невѣста и отецъ, качаясь изъ стороны въ сторону, рыдали. Рыданія невѣсты не давали ей причитать, только изрѣдка слышались нѣкоторыя слова причета. Всѣ, кто былъ въ избѣ, не могли, слушать и смотрѣть хладнокровно, также плакали и утирали слезы платкомъ, или рукавомъ, или фартукомъ. Дѣвушки кончили причитать, а невѣста и отецъ все еще не разставались. Хотѣли было рознять ихъ; по невѣста еще крѣпче прижалась къ отцу и не выпускала его. Наконецъ силой отцѣпили ея руки и освободили отца. Нѣсколько отдохнувши, подружки опять начали этотъ причетъ, только матери. Слова: *рóдный батюшка*, выкинули и замѣнили словами: *родна матушка*. Сцена во время причета происходила таже самая, только слезъ и рыданій было гораздо болѣе. Подружки таже насилу могли оторвать невѣсту отъ матери. Слышно было, хотя глухо, сквозь рыданія, какъ мать, разнимая за спиной невѣсты свои руки и опять крѣпче прижимая ее къ себѣ, цѣловала и протяжно, отрывками, произносила слова:

«Ой, ты мое дитятко,
Ой, ты мое дорогое!
Плачь ты, голубушка,
Плачь, золотая
Тебѣ недолго поплакати,
Недолго со мной, со старухой, пожити;
А во чужихъ людяхъ, моя голубушка,
Во чужихъ людяхъ будь покорна,
Будь покорна, да поклончива,
Будь тиха, да будь смиренница.
Ой, во чужихъ людяхъ надо жить умѣючи,
Жить умѣючи, да разумѣючи.
Чужіе люди словно темный лѣсъ,
Словно туча грозная.»

Слова эти еще болѣе раздражали невѣсту, заставляли ее громче рыдать и крѣпче ухватываться за мать и прижиматься къ ней.

Съ полчаса прошло времени послѣ этихъ тяжелыхъ причетовъ, пока дѣвушки могли успокоиться и собраться съ новыми силами. Въ избѣ еще раздавался плачь, какъ невѣста снова запричитала; подружки другъ за дружкой стали ей помогать. Причетъ былъ замужней сестрѣ, которая въ свое время подошла къ невѣстѣ и также сѣла возлѣ нея и обняла ее. Вотъ причетъ:

Мнѣ не хорошó, не пригожó,
Во горѣ сидѣть безъ плаканья,
Во кручинѣ безъ причитанья:
У меня ли, молодешеньки,
Будто горюшка нѣту-тко,
Будто плакать мнѣ не о чемъ,
Причитать да будто нечево,
Прикликать да будто некого.
У меня есть, молодешеньки,
И голубушка, мила сестра.
Ужь ты, свѣтъ, моя мила сестра,
Мое красное ты солнышко!
Подойди—ко къ молодешенькѣ,
И сядь-ко, моя ты голубушка,
По мою да руку правую.
Мы подумаемъ, мила сестра,
Мы съ тобой да думу крѣпкую,
Крѣпкую да за—единую.
У тебя, моя голубушка,
Много ума, да много разума.
Ты подумай-ка, голубушка,
Про меня, да молодешеньку,
Про меня, да зеленешеньку:
Нѣтъ ума, да нѣтъ и разума.
У тебя, моя голубушка,
Моя милая ты се́стрица, [1])
Много ума, да много разума;
Нажилась, моя голубушка,
У чужова отца, матери,
У чужова-то чуженина,
У чужа сына отецкаго
У грозы-то молодецкой.

Этотъ причетъ также сопровождался слезами и рыданіями, только нѣсколько легче. Немного погодя, невѣста запричитала старшему братцу:

---

[1]) Во всѣхъ причетахъ, гдѣ встрѣчается слово сестрица, оно выговаривается съ удареніемъ на буквѣ е.

Отокрою, молодешенька,
Отокрою, зеленешенька,
Тонко бѣло полотнечко;
Погляжу я, молодешенька,
Вдоль по свѣтлой свѣтлицѣ,
По столовой новой горницѣ;
Огляжу я, молодсшенька,
Сокола да брата милова.
Ужь ты свѣтъ, да сóколъ [1]) милый братъ,
Мое красное ты солнышко!
Ты послушай, соколъ милый братъ,
Я объ чемъ тебя просить буду,
Понизку да буду кланяться:
Ты возьми, да соколъ милый братъ,
Ты узду, да недоуздочекъ,
Сидѣлечко да не-сѣдланное;
Ты поди-ко, соколъ милый братъ,
Ты на свой да на широкой дворъ,
На конюшню, на стоялое.
Ты возьми-ко, соколъ милый братъ,
Ты коня да неѣзжанова.
Ужь ты съѣзди, соколъ милый братъ,
На чужую, дальню сторону,
На злодѣйку на проклятую. [2])
Припади-ко, соколъ милый братъ,
И ко листу и ко дереву;
Поспроси-ко, соколъ милый братъ,
Ты у старова и малова
Про чужова-то чуженина:
Что не пьетъ-ли чужій чуженецъ
Онъ и пива-то пьянова,
И вина-то зеленова?
Не играетъ-ли чужій чуженецъ
Онъ во листья во бумажные?
Не сидѣть-бы молодешенькѣ
Съ вечера да до полуночи,
Со полуночи до бѣлова дня;
Мнѣ не ждать-бы молодешенькѣ,
Мнѣ чужова-то чуженина
Со бесѣды со веселыя;
Не ронить-бы молодешенькѣ,
Мнѣ свои да горючи слезы.

Когда кончили причетъ, мать подошла къ невѣстѣ и, утирая слезы, сказала:

---

[1]) Въ причетахъ брату въ словѣ соколъ удареніе на первой буквѣ *о*;

[2]) Во всѣхъ причетахъ, гдѣ есть слова проклятую, проклятой, то онѣ произносились съ удареніемъ на буквѣ *я*.

— На сей разъ, Лиза, и довольно причитать-то; устала, поди-ко, да и подружки-то устали; будетъ время напричитаешься, наплачешься; побереги слезъ-то....

Невѣста махнула головой.

— Ладно, матушка.

Мать отошла прочь.

— Спасибо, мои милыя подруженьки, спасибо вамъ, голубушки; спасибо, что пришли, да попричитали, поплакали со мной; — сказала невѣста, низко кланяясь.

— Ай, да и дѣвушки! ай, да и подружки, — экія мастерицы! — повторяли старухи: — спасибо, спасибо; хоть намъ старухамъ поплакать удалось. А мы и не ждали, и не гадали отъ своихъ дѣвокъ такой рыси. Откуда только научились онѣ, набрались такой удали? Причитали, словно въ сердце вливали, слезы сами катились; а что больше плачешь, больше хочется....

— Ужь мастетери, мастетери, что и говорить! — перебилъ ихъ младшій братъ невѣсты, усмѣхнувшись.

Дѣвушки разхохотались.

— Экой балантрясъ какой! ужь успѣлъ подхватить; все бы шутить только! — замѣтили, улыбаясь, старухи. — А славно поплакали, невѣстѣ честь, прибавили онѣ.

Замѣтно, что нашъ народъ любитъ поплакать. Онъ сейчасъ готовъ лить слезы, которыя у него удивительно скоро являются, и сейчасъ-же готовъ отъ души смѣяться.

Дѣвушки и невѣста нарочно *уставляютъ* [1]) новые причеты, для того, чтобы болѣе поплакать. А то что за свадьба, на которой причитать не причитаютъ, плакать не плачутъ.

— «Э», говорятъ старухи, «что къ невѣстѣ идти, коли у ней некому причитать и не съ чего поплакать; лучше дома сидѣть.»

Невѣста подъ жалобный голосъ, или лучше сказать, подъ вой причета невольно начинаетъ болѣе и болѣе рыдать, плакать, разводить руками и чаще качаться изъ стороны въ сторону со своей матерью или сестрой. Отъ этого старухи и всѣ, кто въ избѣ, начинаютъ рыдать вмѣстѣ съ невѣстой; а молодцы и мужички, не желая видѣть этой горестной сцены, чаще выходятъ изъ избы. И такъ, чѣмъ болѣе причетовъ, тѣмъ болѣе и слезъ, а когда болѣе слезъ, тогда пріятнѣе старухамъ и род-

---

[1]) Какъ онѣ сами выражаются.

нымъ невѣсты: «станешь плакать за столомъ, не станешь плакать за столбомъ», говорятъ онѣ.

Во вторникъ дѣвушки, получивъ наканунѣ похвалу отъ старухъ, постарались придти къ невѣстѣ пораньше: тотчасъ послѣ обѣда. Невѣста, покрытая фатой, уже сидѣла на своемъ мѣстѣ и плакала, подружки подошли къ ней.

— Спасибо, милыя голубушки, что не забываете вы меня бѣдную,— сказала невѣста, кланяясь.

Немного погодя, пришли съ пряселками и старухи и бабы.

Невѣста, качаясь, часто поднимая голову и хлопая руками, тихо и отрывками заипричитала. Одна изъ близкихъ подружекъ обняла ее и стала помогать причитать:

Ужь вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Души, красныя дѣвицы! [1])
Подсобите-ка, голубушки,
Мнѣ горе да погоревати,
Горькихъ слезъ да пріуронити,
Мнѣ причетовъ пріуставити,
Жистна [2]) голоса повынести
На широкую на уличку
Изъ высокова-то терема.
Ужь какъ батюшковъ высокъ теремъ
При большой стоитъ дороженькѣ,
Что при большой, да при широкой.
Какъ по этой по дороженькѣ
Ѣдутъ конные и пѣшіе,
Холостые, не женатые;
Говорятъ рѣчи хорошія:
Это чья, да плачетъ дѣвица,
Это чья да раскрасавица?
Ей и плакать-то надобно,
Причитать-то ей и есть объ чемъ
При послѣдней порѣ-времячкѣ,
При концѣ да житья дѣвичья,
Дѣвичья да украшеньица.

При словахъ: «Ужь какъ батюшковъ высокъ теремъ», и прочія, дѣвушки подхватили и продолжали до конца.

---

[1]) Слова дѣвица произносили съ удареніемъ на буквѣ, а слова дѣвичья на буквѣ *я*.

[2]) Громкаго.

Послѣ этого причета начали причитать отцу, матери и младшему брату. Во время причетовъ были тѣ же сцены, тѣ же слезы и рыданія, какія были наканунѣ. Отцу, матери и брату тоже причитали, что и вчера.

Кончивъ причеты, дѣвушки отдыхали.

— А что, Лиза, ты-бы маленько пріодѣлась; не равно пріѣдетъ женихова сестра, али самъ онъ пріѣдетъ; — сказала мать, подойдя къ невѣстѣ.

— Пожалуй, матушка, — отвѣтила она.

На невѣсту надѣли новенькое ситцевое платье, повязку и посадили въ куть. Только что успѣла она одѣться, какъ изъ сосѣдней избы пришли сказать, что золовка (женихова сестра) пріѣхала съ своей подружкой.

— Скажи, милости просимъ. — Дѣвушки съ невѣстой запричитали:

Ужь я что же засидѣлася,
На кого я заглядѣлася?
Заглядѣлась я, молодешенька,
Я заслушалась, зеленешенька,
Я у тетушекъ да басенокъ
У подруженекъ да пѣсенокъ.
Какъ сидятъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
У нихъ буйныя-то головы,
Больно гладко да учесаны;
У нихъ русыя-то косынки
Во узоры да уплетаны,
Во двѣнадцать да во ярусовъ.
Что на каждой волосиночкѣ
По жемчужной бисериночкѣ;
Подъ конецъ да русыхъ косынекъ
Семишелковыя ленточки;
Ужь какъ я, да молодешенька,
Ужь какъ я, да зеленешенька,
Я сижу да не постарому,
Говорю да не попрежнему:
Порастрепана руса коса,
Поразбилися русы волосы;
Что на каждой волосиночкѣ
По горючей по слезиночкѣ;
Подъ конецъ да русой косыньки
У меня да дѣвья красóта, [1])

---

[1]) Слово: красота въ причетахъ и разговорахъ произносится съ удареніемъ на буквѣ *а*.

Дѣвичье [1]) да украшеньице
За малешенько да держится,
За кроху да не оторвется.
Ужь какъ бабья-то старость
Она кика-то бѣлая,
Волокита проклятая.

Когда золовка и подружка ея вошли въ избу, дѣвушки перестали причитать. Золовка съ узломъ въ лѣвой рукѣ и подружка съ рученкой, помолившись Богу и поклонившись всѣмъ въ избѣ, подошли къ невѣстѣ, которую подружки подвели изъ кути къ воронцу и приподняли съ ея лица платокъ. Золовка взяла въ правую руку у подруги рученку и, подвигаясь ближе къ невѣстѣ, сказала, кланяясь:

— Извольте принять гостинецъ, Лизавета Николаевна.

Невѣста, кланяясь, взяла гостинцы и передала матери.

— Здравствуйте, Лизавета Николаевна, каково поживаете?—сказала золовка, когда отдала гостинцы невѣстѣ.

— Благодаримъ покорно, Миропея Тихоновна, какъ вы? — отвѣчала невѣста, низко кланяясь.

Нѣсколько разъ поклонившись другъ другу, золовка и невѣста поцѣловались.

Мать, положивъ на воронецъ узелокъ и поставивъ рученку на лавку, подала невѣстѣ на тарелкѣ кусокъ ситца на платье.

Невѣста, кланяясь, подала его золовкѣ, говоря:

— Миропея Тихоновна, извольте принять и отъ меня подарки.

Золовка приняла и, поблагодаривъ, отошла прочь. А невѣсту подружки закрыли платкомъ и увели въ куть, гдѣ и запричитали:

Какъ вчера да объ-эту-пору,
Пораняя да малешенько,
Пролетѣлъ да младъ ясéнъ [2]) соколъ
Мимо батюшкина терема,
Мимо матушкина высока,
Мимо кутнева окошечка;
Черканулъ да младъ ясенъ соколъ,
Что своимъ да правымъ крылышкомъ
Онъ о кутнее окошечко;
Говорилъ да младъ ясенъ соколъ
Человѣчьимъ жистнымъ голосомъ:
Ты не плачь, да красна дѣвица,

---

[1]) Вездѣ съ ударенiемъ на буквѣ *е*.
[2]) Слово ясенъ съ ударенiемъ на буквѣ *е*.

Не рыдай, да лебедь бѣлая!
Тебѣ плакать-то не о чемъ,
Причитать да тебѣ не по чемъ:
На чужой, на дальней сторонѣ,
У чужова-то чуженина
Три поля пшена насѣяно,
Весельемъ, да огорожено,
Радостью да исподпирано,
Медовой росой поливано.
Какъ вечеръ да объ-эту-пору,
Пораняя да малешенько,
Пролетѣла птичка ласточка
Мимо батюшкина терема
Мимо матушкина высока,
Мимо кутнева окошечка;
Черканула птичка ласточка
Что своимъ да правымъ крылышкомъ,
Что о кутнее окошечко;
Говорила птичка ласточка
Человѣчьимъ жистнымъ голосомъ:
Ты и плачь, да красна дѣвица,
Ты рыдай, да лебедь бѣлая!
Тебѣ плакать-то есть объ чемъ,
Причитать да тебѣ есть по чемъ:
На чужой на дальней сторонѣ,
На злодѣйкѣ на проклятой,
У чужова отца-матери,
У чужа сына отецкаго,
У грозы да молодецкой;
Три поля горя насѣяно,
Кручиной да огорожено,
Печалью да исподпирано,
Горючимъ слезамъ поливано.

Въ то время, когда дѣвушки причитали, мать невѣсты, усадивъ гостью и подругу ея за столъ, согрѣла самоваръ и стала угощать ихъ чаемъ, а послѣ пирогами. За столомъ золовка разговаривала съ матерью невѣсты.

— Миропея Тихоновна, женихи-то къ вамъ, поди-ко, все хорошіе сватаются? — спрашивала ее мать невѣсты.

— Ономнясь сватался Горшонка сынъ, да батюшка отказалъ ему; хочетъ отдать меня за городскова жениха. И городской сватался, да гольемъ просилъ много и скруту хорошую. Теперь батюшка дѣлаетъ мнѣ шелковое платье и бѣличій салопъ, чтобы никакой нарядъ не перечилъ ему.

— А на примѣтѣ-то есть женишокъ? — снова спросила мать невѣсты.

— Какъ же, есть; меня ужь смотрѣли и уговорились на счетъ скруты; — говорила золовка, ужимаясь и ребрясь, какъ замѣчали дѣвушки; т. е. говорила модно, — по модѣ: часто закидывая голову назадъ и шевеля изъ стороны въ сторону плечами.

Прощаясь, золовка сказала:

— Въ четвергъ ждите братца, пріѣдетъ невѣсту провѣдать.

Когда уѣхала золовка, невѣста вышла изъ кути и стала потчивать своихъ подружекъ ея гостинцами.

Въ узелкѣ на блюдѣ было три пирога: круглый пирогъ съ изюмомъ и двѣ *загибеночки* [1]) съ яйцами и со пшеномъ; а въ ручонкѣ сусло, подслащенное медомъ.

За столомъ невѣста сидѣла полуоткрытая: платокъ оставался на головѣ для того, чтобы тотчасъ можно было закрыться, если бы кто либо посторонній вошелъ въ избу. Она часто говорила своимъ подружкамъ:

— Кушайте, подруженки, кушайте, милыя; ужь не долго мнѣ васъ потчивать, недолго сидѣть съ вами за однимъ столомъ. Скоро, скоро отымутъ меня отъ васъ, увезутъ на чужую сторону.

Изъ опухшихъ ея глазъ катились слезы. Она не рыдала, а тихо плакала. Въ какую нибудь недѣлю Лиза сильно перемѣнилась: изъ полной, румяной дѣвушки сдѣлалась блѣдная и худая. Глядя на нее, я не могъ не сказать:

— И къ чему такъ плакать, Лиза? Посмотри, какая ты стала худая; ты, вѣдь, можешь захворать.

— Какъ мнѣ не плакать, — сказала она: — жила я спокойно и весело у матушки, да у батюшки, у родныхъ своихъ; со милымъ подружкамъ часто видѣлась, часто говорила, забавлялась съ нимъ. А теперь-то увезутъ меня бѣдную, увезутъ горькую на чужую сторону, гдѣ, можетъ, свекровь-то эхидная, золовка бѣдовая. Будутъ онѣ меня бить-колотить, работой замучатъ. И поплакать-то мнѣ нельзя будетъ, и про горе свое сказать некому; и мужъ-то будетъ, можетъ, строгой. Ой, да ужь кому и плакать, какъ не мнѣ!

Всѣ въ избѣ, глядя на нее, также заплакали. И мнѣ стало тяжело: я отвернулся въ сторону. А старухи, какъ нарочно, твердили:

---

[1]) Полукруглые пироги небольшой величины.

— Плачь, Лиза, плачь; поплачешь за столомъ, не станешь плакать за столбомъ.

Въ среду утромъ старшій братъ невѣсты поѣхалъ въ городъ покупать дары, водки, говядины, муки и проч.; а около сумерекъ опять пришли дѣвушки и причитали тоже самое, что и вчера и въ понедѣльникъ. Кромѣ того, причитали постороннимъ: старухамъ, бабамъ, богатымъ мужичкамъ и молодцамъ. Всѣ, кому причитали, клали въ подолъ невѣстѣ, кто деньгами: по 5-ти и болѣе копѣекъ, кто новиной: аршина 2, 3 и болѣе, а кто куделей. Старухи и бабы во время причетовъ садились возлѣ невѣсты и, обнявъ ее, вмѣстѣ съ ней рыдали; а молодцы, оставаясь на лавкахъ, гдѣ сидѣли, занимались посторонними разговорами или молча слушали причетъ.

Причеты постороннимъ дѣвушки сочиняли, или какъ онѣ говорили, *уставляли* въ то самое время, когда причитали. Всѣхъ ихъ записать не было возможности; притомъ они были довольно однообразны въ сущности. Въ причетахъ старухамъ и бабамъ выражались: желанія и просьбы, чтобы онѣ, такъ какъ жили долго на свѣтѣ, видѣли и испытали много худаго и хорошаго, научили бы глупую и неопытную невѣсту уму-разуму; а молодцамъ высказывали благодарность невѣсты, что они жалѣютъ ее, бѣдную, горькую; и между прочимъ, сулили богатство, желали хорошей славы, красивой подруги и проч. Напримѣръ, вотъ что онѣ мнѣ причитали:

Ужь какъ Владиміру
Да Александровичу,
Хорошую подруженьку,
Хорошую, пригожую,
Милую лицомъ;
Съ соболиными бровями,
Съ черными глазами;
Статную, высокую,
Съ павлиною походкой.
Стала-бъ его женушка,
Стала-бы лелѣяти,
Къ сердцу прижимати;
Крѣпко цѣловати,
Цѣловати, миловати,
Мплоладушкой называти;
Сталъ-бы онъ чваниться,
А женушка кланяться.

Во время причета дѣвушки улыбались, а при концѣ его не могли утерпѣть, чтобы не разхохотаться. Я потому помѣстилъ этотъ причетъ,

чтобы показать, какъ дѣвушки, бабы и невѣста *уставляютъ* причеты. Онѣ сами сознавались, что онъ не такъ ловко удался; потому что причеты, въ которыхъ выражаются горе, отчаяніе, слезы, у нихъ въ это время легче выливаются, нежели причеты другаго содержанія.

Вотъ еще причетъ, который невѣста въ этотъ день причитала одна, рыдая и хлопая руками. Подружки въ полголоса помогали ей:

Ты красуйся, моя красота,
Дѣвичье да украшеньице;
Разсыпайтесь, русы волосы,
По моимъ да могучимъ плечамъ,
Закатись-ка, моя косынька,
Супротивъ да лица бѣлова.
Я возьму да свою косыньку
На свои да руки бѣлыя;
Я прижму да свою косыньку
Ко сердцу да ко ретивому,
Ко лицу да ко бумажному;
Оболью да русу косыньку
Я своимъ да горючимъ слезамъ.

Послѣ этого причета подружки разошлись.

Въ четвергъ съ обѣда невѣста и подружки причитали тоже самое, что въ прошедшіе дни.

ПРОВѢДКА.

Вечеромъ пріѣхалъ въ сосѣднюю избу женихъ съ товарищемъ и пословамъ къ невѣстѣ узнать: можетъ-ли онъ провѣдать ее.

— Милости просимъ! — былъ отвѣтъ.

Невѣста была уже одѣта, также и дѣвушки нѣсколько принарядились, зная, что женихъ долженъ пріѣхать съ товарищемъ.

Женихъ, войдя въ избу и помолясь Богу, подошелъ къ невѣстѣ, которая, уже не покрытая фатой, стояла подъ воронцомъ.

— Здравствуйте, Лизавета Николаевна, каково ваше здоровье? — сказалъ онъ, кланяясь.

— Благодарю васъ, Василій Тихонычъ; помаленьку, — отвѣчала невѣста.

Послѣ низкихъ поклоновъ женихъ и невѣста поцѣловались.

— Извольте принять отъ меня гостинцы, Лизавета Нилолаевна, — сказалъ женихъ, взявъ у товарища одинъ изъ узелковъ и подавя невѣстѣ.

Она, поблагодаривъ его, передала гостинцы матери.

Женихъ взялъ невѣсту за руку, повелъ застолъ и сѣлъ возлѣ нея

вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ. Подали самоваръ и Катя начала разливать чай; а невѣста угощать имъ жениха и его товарища, Послѣ чаю подали кулебяку, пирогъ круглый со пшеномъ и графинъ съ домашней настойкой. Когда женихъ и товирищъ его напилось чаю и закусили, Катя убрала со стола остатки пирога; а женихъ, попросивъ 4 тарелки, взялъ у товарища другой узелокъ и, развязавъ его, насыпалъ на нихъ пряниковъ, орѣховъ, рожковъ и черносливу; — и сталъ угощать ими сперва невѣсту, ея мать, отца, Катю и братьевъ; а послѣ ея подружекъ, которыхъ онъ попросилъ вмѣстѣ съ Катей сѣсть за столъ и поиграть съ ними въ карты. Часа два сидѣли они за столомъ; играли въ карты, ѣли пряники, грызли рожки, щелкали орѣхи и разговаривали про знакомыхъ дѣвушекъ, про молодцовъ, о гуляньяхъ, посидѣлкахъ и о будущихъ праздникахъ. Наконецъ, женихъ и его товарищъ, простившись и сказавъ, что въ субботу дѣвичникъ, уѣхали.

Въ пятницу невѣста и подружки опять тоже причитали, что и вчера; а родня невѣсты спѣшила кончить свои работы: дошивала рубашки, платья, наспишники; мыла избу, посуду и варила для отгостковъ пива.

Къ вечеру пріѣхали: старшая сестра Лизы и вторая сестра ея изъ дальняго прихода, за которой ѣздилъ младшій ихъ братъ. Когда послѣдняя вошла въ избу, невѣста съ подружками сидѣли въ кути и причитала.

— Сестра, сестра пріѣхала! — тихо сказали невѣстѣ подружки.

Невѣста зарыдала и перестала причитать; дѣвушки также замолкли и поглядывали на пріѣхавшую сестру, которая, скинувъ суконную шубу на овчинѣ и большой платокъ съ головы и поздоровавшись съ матерью, съ отцемъ, съ братомъ и сестрами, стала подходить къ невѣстѣ Подружки и невѣста запричитали ей:

Тебѣ добро идти, жаловать,
Дорогая честна гостенька,
Моя милая сестрица.
Не прогнѣвайся, голубушка,
На меня, на молодешеньку,
Я не вышла, я не встрѣтила
Серед-то поля чистаго,
Раздолья-то широкаго;
На широкой-то науличкѣ,
На мосту да тесу бѣлова;
Я дверей да не отворила
Широко, да двери на пяту;
За бѣлы руки не приняла,
Въ высокъ теремъ да не вводила,
Въ честно мѣсто не посадила,

Во честное подъ окошечко
За бранную зановѣсочку,
И столами не задвинула,
Скатерокъ да не раскинула,
Хлѣба, соли не поставила;
Отошедъ не поклонилася
Ниже пояса да шелкова,
Золотыя перевязочки.
Не спѣсь да на меня пришла,
И не гордость-то великая.
Изняло-то меня бѣдную
Все горе, да все кручинушка,
Все печаль да непобѣдная.
Ужь ты, свѣтъ, моя голубушка,
Моя милая ты сестрица,
Не могла придти поранѣя
Разговорить роднова батюшку,
И родимую-то матушку.

Сестра, при первыхъ словахъ причета, подошла къ невѣстѣ, сѣла и обнявъ ее, подъ платкомъ поцѣловала и вмѣстѣ съ ней громко зарыдала,

Когда подружки и невѣста кончили причитать, сестра, глотая слезы, стала отпричитывать невѣстѣ:

Ужь ты, свѣтъ, моя голубушка,
Моя милая сестрица:
У меня, у молодешеньки,
Не своя да воля-волюшка:
Я живу, да молодешенька,
На чужой, на дальней сторонѣ
У чужова отца, матери,
У чужова-то чуженина,
Подъ грозой, [1]) да подъ великою.

Отпричитавъ и еще немного поплакавъ, сестра встала и отошла, утирая слезы

Мать посадила ее за столъ, напоила чаемъ и накормила. За столомъ сестра невѣсты распрашивала: кто женихъ? Хорошъ-ли онъ?

Мать и другіе родные отвѣчали, что хорошъ.

— Народъ-то молодой и говоритъ, что дуракъ и неучъ-то онъ, да вѣрить-то этому нонѣ нельзя. Вишь, народъ сталъ все дошлый, проворный, зубоскалъ; на словахъ и города беретъ, а на дѣлѣ ни шиша. А какъ выищется какой не нонѣшной, робкой, какъ мы были старики,

---

[1]) Подъ властью господъ, какъ сами крестьяне объясняютъ.

вотъ и кричатъ: дуракъ, говорить не разумѣетъ, манеръ не знаетъ,— горячо сказалъ отецъ невѣсты.

Не всѣ невѣсты въ этотъ промежутокъ времени между праскими сидинами и дѣвичникомъ такъ много и, не притворяясь, плачутъ, какъ Лиза; но большая часть ихъ не можетъ обойтись безъ слезъ. Другія, выходя за мужъ за милова, радуются въ душѣ; но все таки должны при людяхъ рыдать и причитать. Того требуютъ церемоніи свадьбы и обычаи. Иначе ихъ осмѣютъ, оговорятъ.

— Ей весело, что покидаетъ отцовской домъ; она радешенька оставить стариковъ: съ ними наскушнило ей жить;—говоритъ при невѣстѣ народъ, если она мало рыдаетъ и причитаетъ; или еще хуже; — Э, — говорятъ, почти вслухъ: — ей зачѣмъ плакать, чего горевать, она опрежде свадьбы гуляла съ женихомъ.—Къ такой невѣстѣ рѣдко и мало приходятъ подружки.

ДѢВИЧНИКЪ И СЪ ПРЯНИКОМЪ ЖЕНИХЪ ПРІѢЗЖАЕТЪ.

Дѣвичникъ всегда бываетъ наканунѣ свадьбы и больше въ субботу. Въ этотъ день утромъ мать невѣсты обряжалась: пекла пироги, варила щи и жарила баранину. Около сумерекъ младшій братъ невѣсты съ нѣкоторыми изъ ея подружекъ топилъ баню. Изъ ближняго села пришли дѣвушки, которыя уже были на праскихъ сидинахъ, и, войдя въ избу, запричитали:

Ужь мы шли, да торопилися,
Шелковымъ клубкомъ катилися;
Мы услышали-тѣ, бѣдныя,
Что про вѣсточку нерадостну,
Челобитье невеселое.
Ужь мы шли, наша голубушка,
Черезъ три да поля чистыя,
Черезъ улицы широкія;
Намъ попала дѣвья красота,
Дѣвичье да украшеньице;
Она идетъ, да подпирается,
Горючимъ слезамъ уливается.
Мы спросили ее, бѣдныя,
Мы спросили ее, горькія:
Ты куда да пошла волюшка,
Ты куда да пошла дѣвичья?
Я пошла да воля вольная
Во неволюшку великую,
Я во бабью во старость.

Ужъ какъ бабья-то старость
По-подъ лавкамъ валялась,
Да ко мнѣ привязалась.

Когда баня была готова, дѣвушки, топившія ее, подойдя къ дверямъ невѣстиной избы, запричитали:

Благослови да Боже Господи!
Наложить да руку на скобу,
Разтворить да двери на пяту;
Намъ позвать свою голубушку,
Нашу милую подруженьку
Во баню, во парушу.

Войдя въ избу и кланяясь, дѣвушки стали звать невѣсту въ баню:

Тебѣ добро идти, жаловать,
Наша милая подруженька,
Лизавета Николаевна,
Къ намъ во теплую во парушу,
Во теплу, да подвѣнечную.
У насъ теплая-то паруша—
Она жарко да истоплена,
Она всѣмъ да изукрашена:
Середь теплой-то паруши
Стоитъ столбичекъ точеный,
Что на столбичкѣ точеномъ
Стоитъ блюдечко серебряно,
Что на блюдечкѣ серебряномъ
Лежитъ вѣничекъ шелковый,
Что на вѣничкѣ шелковомъ.
Все мыла лежатъ разныя,
Притиранья хорошія,
И дѣвичья-та красота,
Дѣвичье да украшеньице;
По полкамъ и по лавочкамъ
Разнымъ сукномъ изпостилано;
По пазамъ и по щелочкамъ
Жемчужкомъ да изпонизано.

Невѣста, сидя въ кути, отвѣчала:

Ужь вы свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
На обманъ вы дѣло дѣлаете,
На проводъ меня проводите:
Ужь вы дайте мнѣ, голубушки,
Мнѣ поруку крѣпкую.

Подружки:

Тебѣ порука-то крѣпкая:
И родимый-то батюшка,
И родимая матушка.

Невѣста:

И порука мнѣ не крѣпкая:
Не родимый-то батюшка,
Не родимая матушка.

Подружки:

Мы дадимъ тебѣ, голубушка,
Наша милая подруженька,
И поруку-то, крѣпкую:
Мать Божью да Богородицу.

Невѣста встала съ подружками съ лавки и запричитала

Благослови да Боже Господи,
Мать Божья да Богородица!
Ужь мнѣ встать, да молодешенькѣ,
Ужь мнѣ встать, да зеленешенькѣ,
Ужь мнѣ встать, да приподнятися
Со брусчатой-то со лавочки
На свои да ноги рѣзвыя,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на сафьяные.
Ужь мнѣ дайте-ко, голубушки,
Мои милыя подруженки,
Мнѣ единую половочку:
Изъ кути да мнѣ до переди;
Мнѣ открыть, да молодешенькѣ,
Мнѣ открыть, да зеленешенькѣ.
Мнѣ платочка-то бумажнаго;
Оглядѣть, да молодешенькѣ,
Оглядѣть, да зеленешенькѣ,
Мнѣ родимова-то батюшку
И родимую-то матушку.
Ужь ты свѣтъ да родный батюшка
И родимая да матушка,
Ужь мнѣ дайте благословеньице
И благословенье мнѣ великое
И отъ желанья ретива сердца:
Мнѣ идти, да молодешенькѣ,
Мнѣ идти, да зеленешенькѣ,
Мнѣ во теплую во парушу,
Во теплу, да подвѣнечную,
Со подружкамъ, со голубушкамъ,
Со душамъ, да краснымъ дѣвицамъ.

Отецъ и мать благословили, и всѣ подружки повели невѣсту въ ба-

ню. Улицой вели ее подъ руки; она была покрыта фатой и, наклонившись, и рыдая, причитала, а подружки помогали ей:

Ты свѣти-ко, младъ, свѣтёлъ мѣсяцъ,
Съ вечера да до полуночи,
Со полуночи до бѣлова дня,
Освѣчай да путь-дороженьку:
Не ступить-бы, молодешенькѣ,
Не ступить-бы, зеленешенькѣ,
Во коневую ступенечку;
Не сронить-бы молодешенькѣ,
Что съ себя да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньице.

Когда невѣсту привели къ банѣ, она перекрестилась и съ нѣкоторыми подружками вошла въ нее. Остальныя дѣвушки, накрывъ одну изъ нихъ платкомъ, подхватили ее подъ руки и, идя селомъ, запричитали:

Вамъ добро идти, жаловать,
И дядюшки и тетушки
Во баню, да во парушу,
Во теплу, да подвѣнечную.
Хорошо баня топилася,
Со чадомъ да не мутилася,
Ключевая вода нагрѣта,
Склизки щелоки наварены.
Не прогнѣвайтесь пожалуйста,
Да не про васъ-та баня топлена,
Только честь одна приложена.

Передъ окнами каждой избы дѣвушки останавливались, продолжали причитать, или снова начинали тотъ-же причетъ, а закрытая подружка, притворяясь, рыдала, разводя и хлопая руками и наклоняясь чуть не до земли. Хозяева избъ выходили и подавали кто 3, кто 5 копѣекъ. И подружки отходили прочь. Собранныя ими деньги были отданы невѣстѣ. [1])

Пройдя все село, дѣвушки возвратились къ банѣ, гдѣ запричитали:

Ужь ты, свѣтъ, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Лизавета Николаевна,

---

[1]) Я видѣлъ на другой свадьбѣ, также въ селѣ, какъ дѣвушки подошли къ окнамъ господскаго дома, гдѣ жили господа, и также запричитали. Барыня скорѣе выслала свою горничную и сказала: «вотъ имъ, подай полотенцо, да двугривенный, пусть только уйдутъ прочь.»

Ужь ты парься помалешеньку,
Ужь ты парься потихошеньку;
Ты не спарь, наша голубушка,
Что съ себя да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньице.

Когда невѣста вымылась, подружки вывели ее изъ бани и повернули въ ту сторону, гдѣ церковь ихъ прихода, помогли ей положить три земныхъ поклона и повели потихоньку домой. Одна изъ подружекъ, идя впередъ, мела дорогу.

Невѣста причитала:

Ужь вы, свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Провели меня молодешеньку,
Провели меня, зеленешеньку,
Что сказали вы, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Ужь какъ теплая-то паруша,—
Она жарко да истоплена,
Она всѣмъ да изукрашена:
Середь теплой-то паруши
Стоитъ столбичекъ точеный, —
Что на столбичкѣ точеномъ
Стоитъ блюдечко серебряно,—
Что на блюдечкѣ серебряномъ
Лежитъ вѣничекъ шелковый,—
Что на вѣничкѣ шелковомъ
Все мыла лежатъ разныя,
Притиранья хорошія,
И дѣвичья-то красота,
Дѣвичье да украшеньице;
По полкамъ и по лавочкамъ
Разнымъ сукномъ изпостилано;
По пазамъ и по щелочкамъ
Жемчужкомъ да изпонизано.
У васъ теплая-то паруша,
И не жарко-то натоплена,
И ничѣмъ не изукрашена.

И, отдохнувъ, продолжала:

Недолго я попарилась,
Ужь я много съ себя спарила,
Ужь я спарила, молодешенька,
Ужь я спарила, зеленешенька,
Свою дѣвичью красоту,
Дѣвичье да украшеньице.

Взойдя на взъѣздъ къ воротамъ, дѣвушки хоромъ спросили:

Ужь какъ есть-ли, сударь батюшка
И родимая матушка,
У воротъ да приворотничекъ,
У дверей да придверничекъ?

Отецъ и мать съ хлѣбомъ и солью встрѣтили невѣсту, которая, войдя въ избу, кланяясь, стала просить ихъ:

Ужь ты свѣтъ, да родный батюшка
И родимая матушка!
Вы попотчуйте, родимые,
Моихъ милыхъ подруженекъ,
Моихъ милыхъ, задушевныхъ.

На столѣ уже лежали пироги и стояла яндова съ пивомъ. Угостивъ подружекъ на скорую руку, невѣста, покрытая фатой, отправилась въ куть, гдѣ, получивъ отъ матери кусочки узенькихъ лентъ, копѣйки въ двѣ аршинъ, стала раздавать *красоту*, т. е. эти кусочки лентъ: сперва младшей сестрѣ, а потомъ всѣмъ дѣвушкамъ, причитая вмѣстѣ съ ними:

Сестрѣ:

Ты возьми, моя голубушка,
Моя милая сестрица,
Мою дѣвичью красоту,
Дѣвичье да украшеньице
На свои да руки бѣлыя.
Ты носи, моя голубушка,
Моя милая сестрица,
Мою дѣвичью красоту,
Изъ косы не выплетаючи,
Все меня да вспоминаючи.
Помяни меня, голубушка,
Ты меня, да молодешеньку,
Ты меня, да зеленешеньку,
На чужой на дальней сторонѣ,
На злодѣйкѣ на проклятой,
У чужова отца, матери,
У чужова-то чуженина,
У чужова рода,—племени.
Помяни меня, голубушка,
Ты меня, да молодешеньку,
На чужой на дальней сторонѣ,
Въ три денечка да одинова;
Буде много да покажется,

Помяни меня, голубушка,
Въ три годочка да одиножды.
Я сама да знаю, вѣдаю,
И не мѣсто и не мѣстечко,
И не мѣсто вѣковѣчное—
Моей дѣвичьей красотѣ,
Дѣвичью да украшеньицу:
Какъ голубушка мила сестра,
На большомъ она на возрастѣ.
И на скоромъ на выдаваньѣ.

Подружкамъ:

Я отдамъ да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньице
Своимъ милымъ подруженькамъ.
Вы носите-ко, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Съ головы да не снимаючи,
Изъ косы не выплетаючи,
Все меня да вспоминаючи.
Вспомяните-ко, голубушки,
Хоша въ три дни одинова;
Буде часто вамъ покажется,
Въ три годочка да одиножды.
Я сама да знаю, вѣдаю,
И не мѣсто и не мѣстечко,
И не мѣсто вѣковѣчное—
Моей дѣвичьей красотѣ,
Дѣвичью да украшеньицу:
Мои милыя подруженьки,
На большемъ онѣ на возврастѣ,
И на скоромъ на выдаваньѣ.

Сама себѣ, держа въ рукахъ ленточку:

Я возьму да дѣвью красоту,
Дѣвичье да украшеньице
На свои да руки бѣлыя,
На перстенья золоченые.
Я пойду, да молодешенька,
Я пойду, да зеленешенька,
Во поля да во чистыя,
Во раздолья широкія,
Во лѣса тѣ зеленые;
Положу я дѣвью красоту
На березу кужлявую.
Какъ пройдетъ та пора-времячко,
Вся волна да проволнуется,
Всѣ гости да поразъѣдутся.

Всѣ подружки поразойдутся;
Какъ пойдутъ да люди добрые
Съ топорами да со вострыми;
Подсѣкутъ бѣлу березоньку,
Уронятъ да дѣвью красоту
На травы тѣ на шелковыя,
На цвѣты тѣ на лазоревы.
Какъ придетъ та пора—времечко,
Страды тѣ на сѣнокосныя;
Какъ пойдутъ да люди добрые
Со косами да со вострыми;
Подкосятъ тѣ травы шелковые,
И цвѣты тѣ да лазоревы;
Уронятъ да дѣвью красоту
На матушку сыру землю,
Я возьму да дѣвью красоту
На свои да руки бѣлыя,
На перстнья золоченые;
Я снесу да дѣвью красоту
Я ко матушкѣ, Божьей церкви;
Положу я дѣвью красоту
За престолъ да Богородицѣ.
Какъ пойдутъ да люди добрые
Богу Господу молитися,
Моей красотѣ дивитися:
Это чья да дѣвья красота?
Она честно да изношена,
Во честно мѣсто положена.

Раздавъ *красоту*, невѣста и подружки запричитали:

Ты красуйся, дѣвья красота,
Дѣвичье да украшеньице;
Тѣ недолго красоватися,
Недолго въ дѣвкахъ сидити,
Тѣ не годы годовати,
И не лѣтніе-то праздничка,
Не частые богомольцы;
Одну ночь да ночевати
Со родимымъ да со батюшкой,
Со родимой да со матушкой,
Со голубушкамъ милымъ сестрамъ
И со всѣмъ да родомъ—племенемъ,
Со подружкамъ со голубушкамъ.
Я сама да знаю, вѣдаю,
Мнѣ сидѣть—не насидѣтися,
Говорить—не наговоритися,
Думу думать—не надуматься
Съ родимымъ да со батюшкой,

Со родимой да со матушкой,
Со голубушкамъ милымъ сестрамъ,
Со подружкамъ со голубушкамъ.

Послѣ этого причета стали невѣсту одѣвать въ лучшую скруту. На нее надѣли шерстяное платье, новый передничекъ изъ чернаго коленкора, резинковый кушачекъ съ круглыми бронзовыми пряжками, на голову атласную малиноваго цвѣта повязку и на шею янтари и воротничекъ.

Невѣста и подружки ждали въ кути жениха и причитали брату:

Ты послушай, соколъ, милый братъ,
Моево да ты прошеньица,
Слезинова докученьица, —
Я объ чемъ тебя просить буду,
По-низку да буду кланяться,
По-гладкому рѣчь говорити:
Ты поставъ-ко, соколъ, милый братъ,
У воротъ да приворотничка,
У дверей да ты придверничка.
Не пущайте вы чужихъ людей,
Что чужихъ людей, незнаемыхъ.

Не успѣли онѣ кончить причета, какъ вбѣжала изъ сосѣдней избы баба и сказала:

— Женихъ пріѣхалъ; послалъ спросить, можно ли войти?»

Невѣста и дѣвушки встрепенулись и запричитали:

Ужь вы свѣтъ, мои голубушки,
Мои милыя подруженьки!
Ужь вы станьте-ко, голубушки,
Вы стѣной да бѣлокаменной;
Вы спросите-ко, голубушки,
Вы чужихъ людей, незнаемыхъ:
Это чьи гости, откудова?
Да откудъ гости пріѣхали?
Хорошаго-ль роду, племени?
И отца-то-ли почетнова?
И отца-то-ли да умнова?
Ужь я больно испугалася,
Я на смерть да перепалася;
Подкатился бѣлъ—горючь камень
Къ моему сердцу ретивому;
Подошли, что рѣки быстрыя
Ко моимъ да ко яснымъ очамъ;
Посмотрите на сердечушко:
Не бѣлѣе черна бархата,
Не бѣлѣе чела чернова.

СЪ ПРЯНИКОМЪ ЖЕНИХЪ ПРІѢЗЖАЕТЪ.

Во время причета вошли въ избу женихъ, его отецъ, братъ, сестра, дядя, божатка и сватъ и, помолившись Богу, поздоровались съ родными невѣсты.

Женихъ, держа обѣими руками на подносѣ большой свадебный пряникъ [1]), а сватъ—зеркало, на которомъ лежали башмаки, чулки, гребень, помада, мыло, бѣлила, мазила [2]), булавки и серебрянное кольцо, подошли къ воронцу.

Дѣвушки, приподнимая невѣсту, покрытую фатой, вмѣстѣ съ ней запричитали:

Благослови да Боже Господи!
Мнѣ и встать, да приподнятися
На свои да ноги рѣзвыя,
На чулочки на бумажные,
На башмачки на сафьяные.

Онѣ встали и продолжали:

Хочу—встану, хочу—не встану,
Хочу—пойду, хочу—не пойду
Противъ свата-то, сводника,
Противъ свата, перелестника.

Сѣли, опять встали и подошли къ воронцу, причитая:

Только встану, молодешенька,
Противъ чужова-то чуженина
И дородня добра молодца.

Подружки, держа невѣсту подъ руки, начали ругать свата:

Ужь какъ свату-то, сводiику,
Ужь какъ свату, перелестнику,
Ему три чирья въ бороду,
Четвертый да подъ горлышко
Вмѣсто краснаго солнышка.
Ужь ты, родной батюшка,
Дай-ка ему провожатыхъ:
Таракана рогатова,

---

¹) Свадебный пряникъ въ большой палецъ толщины, въ аршинъ и менѣе длины, и въ полъ-аршина ширины; по серединѣ его изображенъ въ четыре-угольникѣ Россійскій орелъ, а по краямъ рыбки, звѣри и птицы.

²) Румяна.

Мышь полосатую,
Да лягушку горбатую.
Чтобы свату-то, сводникy
На дворѣ заблудитися,
Вереямъ поклонитися;
Домой-то пріѣхати
Молоду жену не взвидѣти,
Малыхъ дѣтокъ не обозрити.

Во время этого ругательнаго причета, родные жениха толкали сзади свата:

— Напирай, напирай, проси!... Сватъ и женихъ подвигались впередъ,—сватъ, кланяясь, просилъ:

— Дѣвушки, а дѣвушки, пожалуйста поскорѣе, пожалуйста. Не заставляйте долго ждать, ноженьки устали, рученьки одрябли.

Дѣвушки, не слушая его, продолжали ругать.

— Василій Тихонычъ, — толкалъ жениха сватъ; — проси, кланяйся.

Женихъ кланялся и просилъ.

— Лизавета Николаевна, примите гостинцы.

Невѣста отвернулась и вмѣстѣ съ подружками запричитала:

Мнѣ не честь да красной дѣвицѣ,
Не хвала да разкрасавицѣ,
Принимать эти гостинчики
Отъ чужова отъ чужснина,
Отъ дородня добра молодца.
Я спрошусь, да молодешенька,
У родимова у батюшки,
У родимой да у матушки.
Мнѣ велитъ-ли, родной батюшка
И родимая-та матушка,
Принимать эти гостинчики
Отъ чужова отъ чуженина,
Отъ дородня добра молодца.

Отецъ и мать ея, махнувъ головой, сказали:

— Можешь, можешь...

Подружки сняли съ головы невѣсты платокъ; а женихъ сталъ подавать пряникъ. Сватъ толкнулъ его:

— Говори: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!

Женихъ повторилъ эти слова, отдалъ пряникъ невѣстѣ и взялъ у свата зеркало.

Невѣста передала пряникъ черезъ свою голову подружкамъ. Женихъ,

отдавая зеркало, опять повторилъ слова: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!»

Невѣста, передавъ зеркало, какъ и пряникъ, черезъ голову подружкамъ, вышла изъ-подъ воронца и кланялась въ поясъ жениху; онъ также отвѣчалъ поклонами и наконецъ, поцѣловавъ невѣсту, взялъ ее за руку и повелъ за столъ.

Стали раздавать невѣстины дары: Катя, какъ и на праскихъ сидинахъ, подносила на тарелкѣ сперва платокъ жениху, потомъ отцу и всей его роднѣ, послѣднему свату. Всякій отдаривалъ деньгами.

Во время даровъ двѣ подружки съ лопатами въ рукахъ подошли къ свату. На одной изъ нихъ лежалъ изъ синей сахарной бумаги *платъ*, изукрашенный лоскутками шелковой матеріи, ситца и сукна краснаго и чернаго цвѣта; по серединѣ его былъ пришитъ хохолъ шерсти и изгреби. На другой-же лопатѣ небольшой сырой пирогъ, начиненный рябиной и утыканный сверху угольемъ и кирпичемъ, и вмѣстѣ съ пирогомъ стаканъ мутной воды съ плавающими угольями.

— Извольте, сватушка, сказали дѣвушки, подавая пирогъ и платокъ, — выпить, да закусить, да платомъ утереться.

Сватъ покраснѣлъ, но, видя, что женихъ, его родня и всѣ въ избѣ захохотали, дѣлать нечего, долженъ былъ засмѣяться.

Въ это время прочія дѣвушки запричитали ему:

Ужъ ты свѣтъ, моя мила сестра,
Ты дари, да всѣхъ ударивай,
Ты чужова-то чуженина,
Чужа сына отецкаго,
Ты грозу да молодецкую;
Одного да не ударивай
Ужь ты свата-то, сводника,
Ужь ты свата перелестника.
Что ходилъ да сватъ-отъ, сводникъ
Не путемъ, да не дороженькой
Что къ моей да свѣтлой свѣтлицѣ,
Ко столовой, новой горницѣ,
Къ моему родному батюшкѣ,—
Онъ по зайчимъ по тропиночкамъ,
По собачьимъ по слѣдиночкамъ,
По кошачьимъ по лазеечкамъ.
На печи-бы тебѣ заблудиться,
Скрозь напыльникъ тебѣ провалиться,
Во щахъ бы тебѣ обвариться,
Подъ шестокъ бы тебѣ закатиться;
Клюкой-бы грести, да не выгрести,
Помеломъ бы мести, да не вымести.

И минутъ черезъ 10 опять свату:

Ужь ты свѣтъ да родный батюшка,
Потчивай, да употчивай,
Пой, да упаивай,
Дари, да ударивай
Ты чужова-то чуженина,
Чужа сына отецкаго.
Одного да не употчивай,
Одного да не упаивай,
Одного да не ударивай:
Ужь ты свата-то сводника,
Свата перелестника.
Проторилъ да сватъ дороженьку
Онъ ко мнѣ, да къ молодешенькѣ,
Онъ ко мнѣ, да къ зеленешенькѣ.
Чтобы свату-то сводинку,
Свату перелестнику
Киселемъ да подавиться,
Молокомъ да захлебнуться,
Подъ столомъ да кобелемъ торчать,
И собакой-то налаяться,
И кошкой намяукаться.

Послѣ даровъ начался обѣдъ. Подавали кулебяки, студень, щи, жаркое и круглые пироги и до пьяна поили водкой и пивомъ. Женихъ и невѣста ѣли одной ложкой и одной вилкой. Невѣста почти совсѣмъ не ѣла, а угощала жениха и его родню: кланялась и просила кушать, величая всѣхъ *по-имянно* и *по отчеству*. Обѣдъ былъ почти такой-же, какъ и на сидинахъ, только *на одно блюдо*, какъ крестьяне сами говорили, т е. подавалась одна каменная, довольно большая чашка.

Когда кончился обѣдъ, женихъ и родня его вышли изъ-за стола, помолились Богу и, кланяясь, благодарили невѣсту и ея родню. Женихъ, низко кланяясь, говорилъ:

— Лизавета Николаевна, вы, батюшка, матушка, братцы и сестрицы.

А жениховa родня:

— Сватушки, свахоньки, благодаримъ покорно за вашу хлѣбъ-соль, за ваше угощенье. Къ намъ милости просимъ завтра, гостите, жалуйте.

Женихъ и невѣста, помолившись Богу, поцѣловались. Женихъ вышелъ изъ избы, а за нимъ и вся его родня.

Подружекъ невѣсты угостили пирогами: тѣ, которыя были изъ другаго села, остались ночевать, а изъ своего розошлись по домамъ.

Невѣста, прощаясь съ родными и съ подружками, дала полную волю слезамъ. Ей одна ноченька и та коротенькая оставалась провести вмѣстѣ съ ними; а завтра, завтра увезутъ ее. Вотъ почему она особенно плакала.

Въ свадьбѣ крѣпостныхъ, которая игралась не *по-вольному*, дѣвичникъ происходилъ почти также; только невѣста во все время была подъ фатой и столъ былъ гораздо бѣднѣе и церемоній меньше.

СВАДЕБНЫЙ ДЕНЬ

(ДЕНЬ ВѢНЧАНЬЯ).

Утромъ мать невѣсты уже обряжалась, подружки, оставшіяся ночевать, еще спали; невѣста встала, потихоньку умылась и, помолившись Богу, запричитала:

Я спала, да высыпалася,
Я ждала, да дожидалася
Отъ родимой-то отъ матушки
Побужденья-то великаго.
Какъ родимая-то матушка,
Она ходитъ помалешеньку,
Говоритъ да потихошеньку.
Какъ первой-этъ разъ побудила:
Одѣяличкомъ окутала;
Какъ другой этъ разъ побудила:
Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое,
У меня дѣло придѣлано,
Вся работа приработана.
Мнѣ немного поспалося,
Немного во снѣ видѣлось,
Мнѣ привидилось, да молодешенькѣ:
У насъ все да не по-старому
У насъ все да не по-прежнему:
Ворота да растворилися,
Вереи да пошатилися,
Всѣ заборы раскатилися.
Я сама да знаю, вѣдаю,
Глупымъ разумомъ сдобралася:
У насъ все стоитъ по-старому,
У насъ все стоитъ по-прежнему;
Только я, да молодешенька,
Только я, да зеленешенька,
Одна я да не по-старому,

Одна я да не по-прежнему:
Поразбилася головушка,
Растрепались русы волосы
Со горя, да со кручинушки.

Подружки въ началѣ причета проснулись; въ то же время пришли и другія дѣвушки будить невѣсту.

Кончивъ причетъ, невѣста одѣлась и отправилась съ подружками къ обѣднѣ.

На другой свадьбѣ мнѣ удалось видѣть, какъ невѣста - сирота съ своими подружками въ этотъ день послѣ обѣдни рыдала на могилѣ отца и причитала:

Я пойду да бѣдна, горькая,
Я къ отцу да ко духовному;
Попрошу я бѣдна, горькая,
Попрошу ключевъ-тѣ мѣдныхъ;
Я взойду да бѣдна, горькая,
На колокольню на высокую;
Я ударю въ большой колоколъ:
Вы раздуйтесь съ горъ, желты пески,
Разтупись ты мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Вы раздуйтесь, тонки саваны!
Ты востань-ка, родный батюшка,
Распечатай, красно солнышко,
Ты свои уста сахарные;
Разожми-ка, родный батюшка,
Ты свои да очи ясные;
Ты промолви, красно солнышко,
Ты единое словечушко,
Ты со мной да бѣдной, горькою,
Сиротой да горе-горькою.
Ты приди-ка, родный батюшка,
На мою на свадьбу бѣдную,
На мою на свадьбу горькую.
Принеси-ка, родный батюшка,
Ты не злата и не серебра;
Принеси-ка, родный батюшка,
Благословенье мнѣ великое:
Мать Божью да Богородицу.
Я сама да знаю, бѣдная,
Я сама да знаю горькая,
Мнѣ будить—не добудитися,
Да и гаркать—не догаркаться:

Что съ тово-то свѣту бѣлова
Нѣтъ ни выходу, ни выѣзду,
Нѣтъ ни письмеца, ни грамотки,
Ни челобитья словяснова.

И эта же невѣста, пришедши домой, спрашивала у матери:

Ты скажи, родима матушка,
Что за праздничекъ Господень?
Ужь какъ всѣ гости сбираются,
Ужь какъ всѣ гости съѣзжаются;
Одного-то гостя нѣтъ какъ нѣтъ,
Моего роднова батюшки
На мою на свадьбу бѣдную,
На мою на свадьбу горькую.
Отъ березки я родилася,
Я отъ камня откатилася.
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня не кому.

Потомъ причитала подружкамъ:

Призамолкните, голубушки,
Мои милыя подруженьки;
Ужь мнѣ много да послышалось,
Во слезахъ да мнѣ поблазнилось:
У воротичекъ постукалось,
За колечичко побрякалось;
Что идетъ родимый батюшка
Со тово-то свѣту бѣлова;
Что несетъ родимый батюшка
На правой-то на рученькѣ
Благословеньице великое:
Мать Божью да Богородицу;
А на лѣвой-то на рученькѣ—
Подвѣнечно—цвѣтно платьице.
Я сама да знаю, вѣдаю,
Что отъ сухова да отъ дерева
Не бываетъ отростельица;
А отъ тѣльца-то мертвова
Не дождать благословеньица.

И кромѣ причетовъ одна изъ дѣвушекъ пѣла этой невѣстѣ пѣсню:

Много, много у сыра дуба
Много вѣтья и повѣтья,
Много листья шелковаго;
Только нѣту у сыра дуба
Золотыя маковки,

Позолоченой вершиночки!
Много, много у Аннушки
Много роду и племени;
Только нѣту у Аннушки,
Нѣтъ родимова батюшки.
Снарядить ее-то есть кому;
Благословить ее-то не кому.

Отстоявъ обѣдню и отслуживъ молебенъ, что въ деревнѣ часто стоитъ три копѣйки, невѣста съ подружками пріѣхала домой; и такъ какъ ей предстояло почти всю ночь не спать, то легла отдохнуть, чтобы не дремать за княжимъ столомъ.

Въ то время, когда невѣста отдыхала, я поспѣшилъ съѣздить къ жениху. Любопытно было знать, что тамъ дѣлалось. Вхожу въ избу и вижу: мать и сестра жениха все еще обряжались; а самъ женихъ помогалъ отцу разливать водку изъ ведернаго боченка въ бутылки и графины.

— А, гость дорогой! милости просимъ, — сказалъ Тихонъ, увидя меня.

— Пріѣхалъ посмотрѣть, что у васъ дѣется; — сказалъ я.

— Ой, голубанчикъ, ты ужо пріѣзжай съ молодымъ, такъ будетъ что поглядѣть; а теперь что? Пора бы жениху-то одѣваться, а вотъ тутъ съ виномъ бьешься; вчера купилъ два ведра, а сегодня говорятъ мало, еще пошли; дѣлать нечего купилъ и еще ведро; а окромя того 15 ведеръ пива сварилъ. Спустись-ка ты въ голбецъ, да погляди сколько пироговъ напекли; такъ небось, ахнешь; не сочтешь, поди.

Я спустился въ голбецъ и удивился, когда увидѣлъ, что все верхнее отдѣленіе голбца было занято пирогами; я насчиталъ 82 пирога продолговатыхъ — кулебякъ и 40 круглыхъ со пшеномъ, съ яицами и съ ягодами.

— Ну, Тихонъ Васильевичъ, одними пирогами можно накормить 100 человѣкъ; и куда столько? — сказалъ я, вылѣзая изъ голбца.

— А ужо посмотришь, сколько останется; нашъ братъ, мужичекъ, любитъ поѣсть, а ему пшеничные пироги ни по чемъ, только подавай. Спасибо барынѣ, подмогу сдѣлала: дала четверть ржи и четверть овса, да деньгами 10 рублей.

Къ жениху стали наѣзжать поѣзжане, т. е. его родные, и я возвратился къ невѣстѣ, узнавъ, что церемонія до отъѣзда поѣзжанъ за невѣстой будетъ такая-же, какую я видѣлъ на другой свадьбѣ.

Невѣста уже встала и была окружена подружками; двѣ изъ нихъ вмѣстѣ съ сестрами ея начали одѣвать невѣсту. Мылась она мыломъ жениха, помадилась его помадой, бѣлилась и румянилась его бѣлилами и румянами. Надѣла башмаки и чулки, подаренные женихомъ, и глядѣлась въ его зеркало, которое держалъ младшій братъ.

Я забылъ сказать, что въ зеркало, подаренное въ дѣвичникъ женихомъ, ни невѣста, ни ея родные, ни посторонніе не должны глядѣться, пока невѣста, одѣваясь къ вѣнцу, не посмотрится въ него первая. И потому, когда невѣста получитъ отъ жениха зеркало, закрытое салфеткой, и передастъ подружкамъ, то мать ея спѣшитъ взять его у нихъ и запереть въ сундукъ.

На невѣсту надѣли шелковое платье и шаль (большой шелковый платокъ), на шею воротничекъ изъ бѣлаго бисера, янтари и дутыя бусы, на голову малиновую бархатную повязку и вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

Такъ бываютъ одѣты болѣе богатыя невѣсты. Впрочемъ, хорошій или, какъ говорятъ крестьяне, *на славѣ* женихъ часто требуетъ, чтобы у невѣсты была хорошая скрута, т. е. шелковое платье и бѣличій салопъ. И потому небогатые отцы, у которыхъ нѣтъ денегъ для покупки такой скруты, а желаютъ отдать дочку за хорошаго человѣка, не знаютъ что дѣлать и какъ помочь горю; и при мнѣ одинъ изъ нихъ продалъ анбаръ и овцу и купилъ шелковое платье и солопъ. А другой изъ знакомыхъ мнѣ и болѣе зажиточныхъ крестьянъ просилъ меня, чтобы я купилъ лисій солопъ и шелковой матеріи на платье для дочери и енотовую шубу для сына. Замѣчательно, что дѣвушки очень рѣдко надѣваютъ шелковыя платья; они лежатъ по году, по два и болѣе въ сундукахъ, изъ которыхъ онѣ вынимаютъ ихъ иногда только посмотрѣть. Дѣвушки-славнухи гораздо чаще ходятъ въ праздники въ шелковыхъ платьяхъ. Бабы еще рѣже надѣваютъ ихъ: берегутъ для своихъ дочерей. У одной невѣсты я видѣлъ кусокъ атласной матеріи и именно: розовое моаре, которое уже слишкомъ годъ лежало въ сундукѣ; отецъ этой дѣвушки — скотникъ, говорилъ мнѣ, что оно было куплено по случаю въ Петербургѣ за 25 руб. серебромъ. Никто не видалъ его

дочки въ шелковомъ платьѣ; а не смотря на то говорятъ: «у этой невѣсты скрута хороша: есть шелковое платье.» Отецъ старался распространить этотъ слухъ, изрѣдка показывая кусокъ матеріи; надо замѣтить, что у него дочка не такъ красива. Случается, что невѣста, у которой нѣтъ шелковаго платья, не можетъ найти по себѣ жениха и остается въ дѣвушкахъ. И часто только тотъ молодецъ считается хорошимъ или богатымъ женихомъ, у котораго есть сюртукъ, — и только тогда онъ можетъ свататься къ порядочной невѣстѣ.

Когда однѣ подружки одѣвали невѣсту, другія причитали:

Ты послушай, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Лизавета Николаевна,
Какъ мы жили, да красовалися
Во своей да волѣ вольной,
Да мы во красныхъ дѣвушкахъ;
Да наряжались, молодешеньки,
Во одно да платье цвѣтное,
Во одно да платье дѣвичье.

Невѣста отвѣчала:

Ужь какъ мнѣ да бѣдной, горькой,
Не пристанетъ платье цвѣтное,
Не пристанетъ платье дѣвичье.
Мнѣ не ладно, не ладнешенько,
Что мое да платье цвѣтное,
Что мое да платье дѣвичье.

Когда невѣста одѣлась, то подружки покрыли ее чистымъ бѣлымъ платкомъ. Въ это время набралась полная изба народу: нельзя было пошевельнуться.

Теперь перенесемся къ жениху. Когда у него собрались всѣ поѣзжане, дружка—молодой, разбитной парень, младшій братъ женихова отца, сталъ одѣвать жениха, повторивъ три раза приговоръ, чтобы не испортили свадьбы:

Поставлю тынъ отъ земли до небеси,
Затворю ворота желѣзныя,
Запру ключами мѣдными,
Снесу за престолъ Господень,
Самой Матери Божіей.

Онъ говорилъ эти слова и клалъ земные поклоны; женихъ и всѣ поѣзжане также молились.

Одѣли жениха и послали за попомъ и дьякономъ. Пріѣхали и они; дружка и жениховы отецъ и мать встрѣтили ихъ на улицѣ. Попъ вошелъ въ избу съ крестомъ въ рукахъ, благословилъ имъ всѣхъ въ избѣ и велѣлъ прикладываться ко кресту. Помолясь Богу, попъ, дьяконъ и всѣ поѣзжане сѣли за столъ; хозяева попотчивали ихъ водкой и закуской. Женихъ не долженъ былъ ѣсть цѣлый день, пока не обвѣнчается; это строго соблюдаютъ крестьяне, и даже женихъ до вѣнца не только не пьетъ водки, но часто и не куритъ и не нюхаетъ табаку. Закусивъ не много, поѣзжане вышли изъ-за стола; попъ и дьяконъ отпѣли молебенъ; а отецъ и мать благословили жениха и всѣ поѣзжане, пропустивъ впередъ попа, дьякона и жениха съ дружкой, вышли на улицу и сѣли въ четверы сани. Дружка обошелъ три раза вокругъ поѣздъ, съ образомъ въ рукахъ и безъ шапки, возвратилъ его отцу и сѣлъ повозникомъ [1]) въ первые сани, въ которыхъ сидѣли попъ, женихъ и дьяконъ. Во вторыхъ саняхъ сидѣли тысяцкій, большой баринъ и братъ жениха; въ третьихъ — сваха (женихова сестра), божатка и повозникъ изъ родственниковъ жениха; въ четвертыхъ — двѣ тетки и три двоюродныхъ брата. Тронулись первыя сани, — за нимъ и весь поѣздъ.

«Загудѣли колокольцы, забрякали шеркунцы; поди, версты на двѣ, на три будетъ слышенъ поѣздъ. А сбруя-то на мѣди, такъ гормя и горитъ; переметы мѣдные, уздечки мѣдью усажены, дуги золоченыя, сани крашеныя. Эхъ, тройка-то какая богатая у жениха, какъ она убрана!» говорилъ народъ.

Въ жениховы сани была запряжена тройка удалыхъ лошадей, подобранныхъ подъ одну масть. Подъ дугой висѣли два большихъ колокольца и у каждой лошади по два шеркунца. Въ прочія сани было запряжено по одной лошади, также съ колокольчикомъ и шеркунцомъ.

На бѣдную свадьбу священника не зовутъ. Если его не бываетъ, то дружка, когда выйдутъ женихъ и поѣзжане изъ-за стола, крестится и говоритъ:

---

[1]) На другой свадьбѣ я видѣлъ дружку верхомъ на лошади, впереди поѣзда.

Господи, Іисусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ!
Встать намъ изъ-за стола бѣлодубова,
Изъ-за скатерки бранной;
Встать намъ изъ-за ѣствъ сахарныхъ,
Изъ-за питей медвяныхъ,
Изъ-за чашки мѣдной,
Изъ-за ложки серебряной.
Встать намъ и святымъ образамъ помолиться,
У родимова у батюшки,
У родимой у матушки
Въ ногахъ полежать
И родительскаго благословенья испрошать.
Праву руку на скобу наложить,
Двери на пяту отворить,
На калиновъ мостъ взойти,
На широкій дворъ взойти
И къ доброму коню подойти;
Въ санки сѣсть
И полостью ножки закрыть,
Воздечкой тряхнуть.
И плеткой махнуть.
Ѣхать намъ на чужую сторону,
По свою суженую и поряженую;
У богоданнова батюшки,
У богаданной матушки
Столъ просидѣть;
Молодую княгиню за ручку взять;
У богаданнова батюшки,
У богаданной матушки
Въ ногахъ полежать,
Ихъ родительскаго благословенья испрошать.
Праву руку на скобу наложить,
Двери на пяту отворить,
На калиновъ мостъ взойти,
На широкой дворъ взойти,
Молодую княгиню въ санки посадить,
Самому въ другія сѣсть,
Полстью ножки закрыть,
Воздечкой тряхнуть
И плеткой махнуть.
Ѣхать намъ въ Божью церковь,
Къ Благовѣщенью Господню;
Въ трапезу войти,
На показанное мѣсто дойти;
Встать передъ царскими дверьми,
На одинъ подножникъ встать;
Златыми вѣнцами вѣнчаться,
Златыми перстнями обручаться,
Крестъ на крестъ цѣловаться,

На честь и на радость,
На долгіе вѣки,
На кудрявыя дѣтки.
Господи благослови!
Святые Ангелы, Архангелы,
Михаилы-Архангелы,
Гавріилы-Архангелы!

При послѣднихъ словахъ дружка женихъ, всѣ поѣзжане и весь народъ въ избѣ молится; а жениховы отецъ и мать кладутъ земные поклоны.

На улицѣ уже темнѣло.

— Поди, скоро пріѣдутъ; безпрестанно говорили въ избѣ у невѣсты.

Подружки запричитали:

Что не честь да красной дѣвицѣ,
Что стоять, да молодешенькѣ,
Что стоять, да зеленешенькѣ,
На широкой да на уличкѣ;
Ужь тебѣ ждать-то, молодешенькѣ,
Чужова-то чуженина,
Чужа сына отецкаго,
Грозу-то молодецкую.

Только что успѣли дѣвушки кончить этотъ причетъ, невѣста запричитала:

Подуйте, вѣтры Вы буйные
Изъ косящата окошечка,
Ужь вы сдуйте, вѣтры буйные,
Вы съ моей да съ бѣдной головы
Чисту бѣлу занавѣсочку,
Слезиное полотенечко.
Я пойду, да бѣдна, горькая,
Подъ благословеньице великое.
Я прошу да у тебя, батюшка,
Я прошу да у тебя, матушка,
Я не злата, я не серебра,
Я не имѣнья богаческаго;
Я прошу да у тебя, батюшка,
Я прошу да у тебя, матушка,
Благословеньеце великое;
Мать Божью да Богородицу.

Во время причета, подошли къ невѣстѣ отецъ ея съ образомъ въ рукахъ, къ которому была прикрѣплена восковая, горящая свѣчка, и мать съ хлѣбомъ-солью. Невѣста послѣ словъ: «я пойду да бѣдна, горькая», подошла къ нимъ и, продолжая причитать, положила имъ три земныхъ по-

клона и наклонилась подъ образъ. Отецъ благословилъ ее крестъ на крестъ сначала образомъ, а потомъ хлѣбомъ, который взялъ у матери. Послѣ отца, мать также благословила ее. Получивъ благословеніе, невѣста хотѣла опять сѣсть на свое мѣсто, какъ вбѣжалъ кто-то въ избу и закричалъ:

— Ѣдутъ, ѣдутъ, далеко чуть....

Въ избѣ зашумѣли, забѣгали, засуетились. Толпа мальчишекъ вбѣжала въ избу и бросилась на полати, гдѣ, толкая другъ друга и съ шумомъ, спѣшила занять лучшія мѣста.

Невѣста обратилась къ народу, зарыдавъ:

Всѣ-то люди взволновались,
Они чего да испугались?
Не пугайтесь, люди добрые,
Вы подруженьки, голубушки,
Не на васъ туча сдымается,
Не на васъ да опущается;
На меня туча вздымается,
На меня да опущается.

Подружки взяли ее подъ руки и повели за столъ. Невѣста снова запричитала нѣсколько скорѣе; дѣвушки помогали ей.

Отпустите-ка, голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Вы меня, да молодешеньку,
Вы меня, да зеленешеньку,
Меня на свой да на широкой дворъ.
Я пойду, да погуляю
По своему двору широкому
Вспомню я, какъ наряжалась,
По своей да волѣ вольной,
Я во красныхъ я во дѣвушкахъ.
Загляну я, молодешенька,
Загляну я, зеленешенька,
На своихъ да на добрыхъ коней.
Всѣ-то кони, они пьютъ, ѣдятъ;
Что одинъ-то конь ни пьетъ, ни ѣстъ:
Онъ повѣсилъ буйну голову,
Потупилъ да очи ясные
Онъ во матушку, да во сыру землю.
Тутъ узнала я, молодешенька,
Тутъ узнала я, зеленешенька,
Отъ чево-то конь не пьетъ, не ѣстъ;
Вѣрно мнѣ, да молодешенькѣ,
Вѣрно мнѣ, да зеленешенькѣ,

Что на этомъ на добромъ конѣ
Ѣхать мнѣ да бѣдной, горькой,
Со чужимъ-то со чужениномъ,
Съ чуже сыномъ-то отецкимъ,
Со грозой-то молодецкой,
Изъ свѣтлой-то свѣтлицы
Подъ вѣнцы да подъ злаченые;
Отъ вѣнцовъ да отъ злаченыхъ
На чужую, дальню сторону,
Да во темную темницу
Да во темную потюремницу.
На чужой, на дальней сторонѣ,
На злодѣйкѣ на проклятой
Воронцы-то высокіе,
Пироги-то, какъ колобы, —
Насидѣться будетъ голодомъ;
Свекровь-то преэхидная,
Говоритъ-то, какъ медвѣдь ревитъ,
Она по полу бѣжитъ,
Точно чертъ ее несетъ,
Ногамъ-то натопываетъ,
Рукамъ-то нахлопываетъ.

Посадивъ невѣсту за столъ около младшаго ея брата, по правую его руку, дѣвушки сѣли вокругъ стола.

Подъѣхалъ поѣздъ къ невѣстиной избѣ, дружка выскочилъ изъ саней и вошелъ на дворъ, гдѣ встрѣтилъ его братъ невѣсты со свѣчкой въ рукахъ. Дружка поклонился ему и, перекрестясь, правилъ челобитье:

Господи, Іисусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ!
Государь-же ты, княгининъ друженька,
Я тебя въ очи вижу, голосъ слышу,
Не знаю какъ по имени звать,
По отчеству величать?

— Александръ Николаевичъ, — отвѣтилъ братъ.

Дружка продолжалъ:

И остался князь молодой
Въ чистомъ полѣ,
Во широкомъ раздольѣ,
Подъ бѣгучимъ облакамъ,
Подъ частымъ звѣздамъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Государь же ты, княгининъ друженька,
Отведи-же сѣна сѣнницу,

Овса-житницу нашимъ конямъ;
Поставь-же ты у нашихъ коней сторожатова;
Сбереги меня на своей сторонѣ,
Не заведи ты меня ни въ хлѣвъ, ни въ баню,
Ни въ угольную яму;
Укажи ты въ высокъ теремъ
На частую лѣсенку.

«Милости просимъ!» сказалъ братъ невѣсты, растворивъ двери. Дружка вскочилъ въ избу:

Скокъ черезъ порогъ,
Насилу дружка ноги переволокъ,
И Богу молился,
На всѣ стороны поклонился;
Подошелъ къ отцу, къ матери:
Господи, Іисусе Христе, Сыне Боже, помилуй насъ!
Государь-же ты, княгининъ батюшка,
Государыня, княгинина матушка!
Я въ очи васъ вижу, голосъ слышу,
Не знаю, какъ васъ по имени звать,
По отчеству величать?

Невѣстины отецъ и мать сказали, какъ ихъ зовутъ и величаютъ; дружка продолжалъ:

Остался князь молодой
Въ чистомъ полѣ,
Во широкомъ раздольѣ,
Подъ бѣгучимъ облакамъ,
Подъ частымъ звѣздамъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Меня послали, дружку,
Скорымъ посломъ;
А я, дружка, обернулся
Яснымъ соколомъ,
Передъ вашей милостью
Добрымъ молодцомъ.
Мнѣ приказали
Челобитье отправить
И челомъ вамъ править.
Какъ васъ Господь Богъ милуетъ?
А мы ѣхали Ангельскимъ чиномъ,
Архангельскимъ путемъ,
По батюшкиному велѣнью,
По родительскому благословенью.

— Что у васъ сваты были?

— Были! отвѣтили отецъ и мать невѣсты.
— Полюбовны рѣчи говорили?
— Говорили.
— День вы строчили?
— Строчили.
— Насъ гостей ждали?
— Ждали.
— Чѣмъ вы свое дитя надѣляете?
— Матерью Пресвятой Богородицей.

Дружка, оглядывая въ избѣ народъ, продолжалъ:

По всей свѣтлицѣ
Старые старички,
Сѣдыя головы,
Вшивыя бороды.
Добрые молодцы,
Гладкія головы,
Широкія бороды.
Тетки молодки ([1]
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Старыя старушки,
Что вы на воронцѣ лежите,
На чужіе пироги глядите?
Доиа сидите,
Свои пироги пеките,
На ихъ и глядите.
Красныя дѣвицы,
Пирожныя мастерицы,
Криночныя блудницы,
Горшечныя пагубницы;
Вамъ криночки скрести,
Да собиночки печи;
Вамъ по гнѣздышкамъ ходить,
Украдши яйца печь;
По гульбищамъ ходить,
Да молодыхъ ребятъ дарить.
Малыя ребята
На полатяхъ лежатъ.
Сопли до полу висятъ,
И тѣ отъ дружки
Челобитья хотятъ.

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ то, что не можетъ быть въ печати.

Ой, вы, желтыя сопли,
Одутые носы,
Подопрѣлыя ноздри,
Толстыя лопатки
И...... запятки.

Увидѣвъ сваху, божатку невѣсты, дружка подошелъ къ ней:

Господи, Іисусе Христе, Сыне-Боже помилуй насъ!
Государыня, княгинина божатушка,
Въ очи вижу, голосъ слышу,
Не знаю какъ васъ по имени звать,
По отеству величать?

— Анисья Ивановна!

И остался князъ молодой
Въ чистомъ полѣ,
Во широкомъ раздольѣ,
Подъ бѣгучимъ облакамъ,
Подъ частымъ звѣздамъ,
Подъ краснымъ солнышкамъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ
А мнѣ приказали
Челобитье отправить,
Челомъ вамъ править
И съ вашего здоровья
Опоясокъ справить.
Пожалуйте тряпичку—
Отъ народа отличку.

Ему подали опоясокъ, т. е. полотенцо въ аршина 4 слишкомъ длины, съ узорами и кружевами. Дружка надѣлъ его черезъ плечо, завязалъ концы и вышелъ изъ избы.

Во время челобитья, народъ хвалилъ дружку:

— Ай, да и дружка, молодецъ дружка, молодецъ!

Не всякій дружка умѣетъ такъ бойко и долго править челобитье. И потому довольно рѣдки такіе дружки. Другой дружка войдетъ въ избу, перекрестившись, поклонится и скажетъ:

Остался князь молодой
Въ чистомъ полѣ,
Во широкомъ раздольѣ;
А меня послалъ
Челомъ вамъ править,
О здоровьѣ спрошать,
О себѣ сказать.
Пожалуйте опоясокъ!

Да прибавитъ:

Я дружка младъ,
Больше не умѣю врать;
А старый дружка
Уѣхалъ въ пучинино,
Пестери починивать.

Дружка, выйдя къ поѣзжанамъ, которые уже повылѣзли изъ саней и оправлялись на дворѣ, сказалъ:

— Милости просимъ, князь молодой и гости честные, къ княгинѣ молодой въ избу хлѣба-соли кушать!

Попъ съ крестомъ въ рукахъ, дьяконъ, дружка, женихъ, тысяцкій и всѣ поѣзжане вошли въ избу. Попъ подошелъ къ столу; невѣста встала и, получивъ благословеніе, приподняла фату [1]), приложилась ко кресту и поцѣловала руку священнику. Послѣ невѣсты прикладывалась и вся ея родня. Попъ и дьяконъ сѣли на свои мѣста подъ божницу; а дружка началъ подчивать невѣстину родню, дѣвушекъ и весь народъ кроенымъ, т. е. пряниками и небольшими кусочками пирога; а отцу, матери и свахѣ (божаткѣ невѣсты), подалъ по цѣлой кулебякѣ. Тысяцкій (божатко жениха), бывшій сватомъ, подошелъ къ невѣстиному брату, который былъ посаженъ *подъ косу* или, какъ говорятъ также *продать косу*, чтобы женихъ выкупилъ у него свое мѣсто, вынулъ изъ шароваровъ кошелекъ и, кланяясь, сказалъ:

— Здравствуй, сватушка.

Положилъ на столъ передъ нимъ двугривенный; братъ молча отодвинулъ деньги. Тысяцкій прибавилъ еще мѣдью; братъ снова отодвинулъ и сказалъ:

— Нѣтъ, сватушка, больно ты дешево цѣнишь мое мѣсто. Прибавь-ка еще.

Тысяцкій еще прибавилъ и выразилъ свое неудовольствіе:

— Довольно, довольно, сватъ, выходи.

— Нѣтъ, сватушка, мало; моя сестрица дороже стоитъ; прибавь-ка!...

— Экой, какой, — говорятъ, довольно! сердито сказалъ тысяцкій.

А народъ въ избѣ захохоталъ:

— Такъ, такъ, Вася, не продавай дешево своего мѣста! Небось, прибавитъ.

---

[1]) Въ этотъ день до самаго вѣнчанья и при женихѣ невѣста была во все время покрыта фатой.

Дѣлать было нечего, тысяцкій еще прибавилъ гривенникъ и подвинулъ деньги брату, который, сосчитавъ ихъ, опять положилъ на столъ и сказалъ:

— Нѣтъ, сватушка, какъ хочешь, а мало,—прибавляй-ка еще.

Поёжился, поморщился тысяцкій; а прибавилъ и въ пятый разъ, сказавъ:

— Бери, не бери, а больше нѣтъ тебѣ ни гроша.

— Ну что съ тобой дѣлать; скупъ, я вижу, ты, сказалъ братъ, вставая и обирая деньги. Прощай, сестрица! продолжалъ онъ, цѣлуя невѣсту.—Ну, сватушка, снова обратился братъ къ тысяцкому: давай конекъ, такъ и быть, выѣду изъ-за стола.

— Какой конекъ? спросилъ тысяцкій.

— Не пѣшкомъ же я пойду, сказалъ братъ, улыбнувшись, давай конекъ; то-ли дѣло на конькѣ!

Народъ въ избѣ засмѣялся:

— Не выходи безъ конька, не выходи.

— Худо сдѣлалъ, братъ, что не догадался взять пряничный конекъ, сказали поѣзжане, которые стояли сзади тысяцкаго и жениха и ждали, когда онъ выкупитъ мѣсто, чтобы имъ самимъ выкупать свои мѣста и сѣсть на нихъ.

— Теперь, дѣлать нечего, дай ему еще гривну намѣстъ конька, да отвяжись отъ него.

Тысяцкій вынулъ гривну и подалъ свату. Онъ взялъ гривну и сказалъ, выходя изъ-за стола и кланяясь:

— Спасибо, сватушка! и шепнулъ народу: семь гривенъ только выпросилъ.

Тысяцкій, выкупивъ женихово мѣсто, велѣлъ жениху садиться на него. Женихъ положилъ подъ шубу серебра и мѣди, чтобы богаче жить, сѣлъ на нее, подогнувъ подъ себя край невѣстинова платья.

Садится женихъ на платье невѣсты для того, чтобы быть набольшимъ надъ женой. Сваха его тоже садится на ея платье и часто хватается за голову невѣсты для той же цѣли. Бойкая невѣста, сваха ея и часто подружки выдергиваютъ платье и даже, случается, связываютъ его около ногъ платкомъ, чтобы: «Хоть дома-то, въ своей избѣ, побольшничать».

Когда тысяцкій усадилъ жениха за столъ, то подошелъ къ отцу и къ матери невѣсты:

— Пожалуйте невѣстину руку.

Отецъ взялъ руку невѣсты, которая спросила его:

Ужь ты свѣтъ да сударь, батюшка,
Мое красное ты солнышко,
Тебѣ на что да снадобилася
Тебѣ моя да рука правая.

И молча передалъ тысяцкому. А тысяцкій взялъ руку жениха, соединилъ ее съ невѣстиной и обвилъ платкомъ. Подружки, которыя сидѣли за столомъ, въ-полголоса запричитали:

Ужь ты свѣтъ, наша голубушка,
Наша милая подруженька,
Ужь мы станемъ тебя спрашивать:
Не утай, наша голубушка,
Ты не единова словечушка;
Ты скажи, наша голубушка,
Что не жметъ-ли чужій чуженецъ
Твоея да руки правыя
Ко перстенью ко злоченому;
Твоея да ноги рѣзвыя
Ко чулочку ко бумажному,
Ко башмачку ко сафьяному,

Невѣста тихо отвѣчала:

Ужь вы, свѣтъ мои голубушки,
Мои милыя подруженьки,
Не могу я посудачити;
На чужова-то чуженина,
Что не жметъ-ли чужій чуженецъ
Моея да руки правыя
Ко перстенью ко злоченому;
Какъ мою да ногу рѣзвую
Ко чулочку ко бумажному
Ко башмачку ко сафьяному.

Во время причета поѣзжане выкупали у дѣвушекъ свои мѣста: однѣ сразу сходили съ нихъ, а другіе упрямились, просили болѣе, чѣмъ давали.

Когда были всѣ мѣста выкуплены и поѣзжане сидѣли уже за столомъ, двое изъ сосѣдей, дворовые этого села, подошли къ столу и сказали:

Невѣста у насъ ходила,
Тропу тропила,

Траву топтала;
Пожалуйте на мячь. [1]

— Сколько вамъ? спросилъ тысяцкій.

— Дай имъ цѣлковый, шепнулъ ему дружка; не будутъ приставать.

Тысяцкій подалъ бумажку; сосѣди взяли ее и отошли. (На другой день они пропили эти деньги).

Тогда младшая сестра невѣсты, Катя, стала разносить дары: жениху, дружкѣ и тысяцкому по хорошему бумажному платку, а другимъ поѣзжанамъ и попу съ дьякономъ по простому полотенцу съ узенькими узорами. Такъ какъ дары невѣстины были хороши, то дружка и тысяцкій затрясли платками и сказали:

Наша невѣстка—
И ткаха, и пряха,
И шелковица.
Не по лѣсу ходила,
Не шишки брала,
Не лыко драла,
Ткала да пряла,
Про насъ, молодцовъ
Дары припасала.

Если бы дары были худы, то на оборотъ не трясли бы платками, а, убравъ въ карманъ, сказали бы:

Наша невѣстка—
Не ткаха, не пряха,
Не шелковица.
По лѣсу ходила,
Шишки брала,
Да лыко драла.

Послѣ даровъ начался обѣдъ: стали угощать поѣзжанъ. Невѣста, такъ же, какъ и женихъ, не должна была ѣсть цѣлый день. Во время стола подружки причитали отцу невѣсты:

Не спасибо тебѣ, родимый батюшка,
Мое красное ты солнышко,
Что посадилъ ты чужихъ людей,
Что чужихъ людей, незнаемыхъ,
За столы за дубовые,

---

[1]) Кожаный большой мячь.

За скатерки бранныя;
Ужь ты за хлѣбъ да за соль,
За кушанья хорошія.
Не узнали вы чужихъ людей;
Каковы они умомъ, да разумомъ,
И какова роду племени;
Что не вамъ за нимъ жить будетъ;
Ужь какъ жить, да молодсшенькѣ,
Ужь какъ жить, да зсленешенькѣ.
Живучи, у молодешсньки,
На чужой, на дальней сторонѣ,
На злодѣйкѣ на проклятой-то,
Разтоскуется сердечушко
Объ родимой-то сторонушкѣ.

И пѣли пѣсни:

Жениху:

Благослови, Боже!
Свадьбу играть,
Свадьбу играть.
Благослови, Боже!
Василья женить
Свѣтъ Тихоныча.
Благослови, Боже!
Лизавету брать,
Свѣтъ Николаевну,
На честь, да на радость,
На долгой вѣкъ.

Тысяцкому:

Тысяцкій, честной человѣкъ,
Любишь-ли ты
Три оденья ржи,
Три оденья ржи?
То люблю, то и надобно.
Тысяцкій, честной человѣкъ,
Любишь ли ты
Трехъ сыновей,
Трехъ сыновей?
То люблю, то и надобно.

Дружкѣ:

Друженька, честной человѣкъ,
Честной человѣкъ;
Ходитъ друженька по полу,
По полу;
У него кунья-то шубка до земли,
До земли;

Надъ нимъ Божья-то милость до небеси,
До небеси.

Попу:

Любишь-ли, батюшка,
Стадо коровъ,
Стадо коровъ,
Десять быковъ?
То люблю, то и надобно.

Прочимъ поѣзжанамъ поименно, женатымъ:

Ивану Яковлевичу *(важному дядѣ)*:

Шелкова ниточка
Къ стѣнкѣ льнетъ,
Къ стѣнкѣ льнетъ;
Иванъ Александрушку
Къ сердцу жметъ,
Къ сердцу жметъ.
Ахъ душка, женушка,
Александрушка,
Александрушка!
Принеси ты мнѣ сына,
Какъ я у тебя,
Какъ я у тебя;
Принеси ты мнѣ дочку,
Какъ ты у меня,
Какъ ты у меня.
Мы сына-то
Выучимъ грамотѣ,
Выучимъ грамотѣ;
А дочку-то выучимъ
Въ пяльцы шить,
Въ пяльцы шить.

Холостымъ, двоюроднымъ братьямъ:

Николаю:

Николая мать снаряжала,
Снаряжала;
Ему гривну въ платъ завязала,
Завязала.
Ты поѣдешь, дитятко, на свадьбу,
На свадьбу;
Тебѣ станутъ дѣвушки пѣсни пѣть,
Пѣсни пѣть;
Такъ надо дѣвушекъ за пѣсни дарить,
За пѣсни дарить.

Свахѣ (божаткѣ невѣсты):

У насъ свахонька хорошенькая,
Хорошенькая;
У насъ свахонька пригоженькая,
Пригоженькая;
Безъ бѣлилъ сваха бѣлехонька,
Бѣлехонька;
Безъ румянъ румянешенька,
Румянешенька.

Наконецъ причитали жениховой свахѣ, которая сидѣла возлѣ невѣсты по правую ея руку:

Ужь ты, свѣтъ, сваха прiѣзжая,
Дорогая, честна гостенька,
Ты скоро да обуркалася,
Ты близко да подвигаешься,
Ты родней да называешься.
Ты садись, сваха прiѣзжая,
Дорогая, честна гостенька,
Ты садись да помалешеньку,
Ты садись да потихошеньку;
Не хватайся-ко ты, свахонька,
За мою да за русу косу;
Во моей да во русой косѣ
Три ножа да три булатные.
Не обрѣжь-ка ты, свахонька,
Ты свои тѣ руки бѣлыя,
О мою да русу косыньку.
Не зажай-ко ты, свахонька,
Моево-то платья цвѣтнаго;
Какъ мое-то платье цвѣтное,
Не на посадъ да мнѣ садиться,
Подъ вѣнецъ да становиться.

Женихъ и тѣ изъ поѣзжанъ, которымъ дѣвушки пѣли пѣсни, дарили ихъ деньгами: копѣйки по 3 по 5 и болѣе.

За столомъ поѣзжане не долго сидѣли и не много ѣли: берегли свой аппетитъ для княжаго стола. Вышли и помолились Богу; женихъ и невѣста, стоя рядомъ, въ одно время клали земные поклоны. Родные, какъ жениха, такъ и невѣсты, слѣдили за этимъ.

— Вмѣстѣ, вмѣстѣ, кричали они, жить дружнѣе, согласнѣе будутъ.

Женихъ и невѣста поклонились три раза въ землю отцу и матери невѣсты, которые благословили ихъ образомъ и хлѣбомъ.

Дружка взялъ руку жениха, а онъ невѣсты, покрытой фатой, и, пропустивъ впередъ священника съ дьякономъ, вышли изъ избы; за ними и всѣ поѣзжане: женихова и невѣстина родня.—Сѣли въ сани; въ первыя: дружка и тысяцкій; во вторыя: попъ, женихъ, дьяконъ и большой баринъ; въ третьи: невѣста, сваха (божатка ея) и повозникъ, и въ остальныя — прочіе поѣзжане по старшинству. Саней было 9 при 12 лошадяхъ: у жениха тройка, убранная розовыми лентами; у невѣсты пара, а у прочихъ поѣзжанъ по одной. Дружка обошелъ вокругъ 3 раза поѣздъ съ образомъ, засунулъ его до половины за пазуху и сѣлъ въ свои сани, безъ шапки. Тряхнулъ возжами, лошадь тронулась,—а за нимъ и весь поѣздъ двинулся. Еще остались двое саней для приданаго невѣсты и для ея отца и мари, которые, не много погодя, отправились прямо въ село къ жениху и тамъ остановились на время въ чужой избѣ.

Поѣздъ ѣхалъ довольно тихо, особенно когда проѣзжалъ деревней или селомъ. Народъ выскакивалъ изъ избъ и кричалъ:

«Сварьба, сварьба!...»

Подъѣхали къ церкви, попъ и дьяконъ ушли домой, а дружка и невѣстина сваха повели жениха и невѣсту въ церковь,—за ними пошли и всѣ поѣзжане.

Черезъ полчаса, когда пришелъ дьяконъ, съ невѣстиной и жениховой стороны подходили по два человѣка къ нему записываться.

Наконецъ пришелъ и священникъ, принялъ присягу отъ поѣзжанъ, что нѣтъ между женихомъ и невѣстой *ни родства, ни кумовства, ни крестнаго братства* — и началъ вѣнчанье.

Во время вѣнчанья дружка, притащивъ въ церковь сундукъ съ кроенымъ: съ пирогами и пряниками, сталъ разносить его дѣвушкамъ, бабамъ и молодцамъ, которыхъ была чуть не полная церковь. Народъ, получивъ кроеное, тутъ же въ церкви и съѣдалъ его.

Обвѣнчавшись, молодые отслужили молебенъ, стоя въ вѣнцахъ, Вѣнцы на головахъ были такъ укрѣплены, что ихъ никто не поддерживалъ. Послѣ молебна молодые, рука за руку, вышли изъ церкви и сѣли въ сани молодого. Когда всѣ усѣлись,—поѣздъ тронулся.

Я забылъ сказать, что послѣ вѣнчанья могутъ оставаться вѣнцы на головахъ молодыхъ только тогда, когда священникъ приглашенъ на свадьбу.

Пріѣхали въ село къ избѣ молодого; отецъ съ фонаремъ, а мать съ деревяной чашкой въ рукахъ вышли на взъѣздъ и встрѣтили молодыхъ. Въ чашкѣ находился овесъ, которымъ мать, пропустивъ священника съ

крестомъ и дьякона, бросала въ лицо молодыхъ, чтобы они богаче жили. Вѣнцы звенѣли отъ овса, а малодые, боясь засорить глаза, закрывали ихъ. Она бросала овсомъ до тѣхъ поръ, пока молодые не поднялись по взъѣзду на дворъ.

Войдя въ избу, священникъ, послѣ молебна, снялъ съ молодыхъ вѣнцы, и они, получивъ отъ отца и матери благословеніе, поцѣловались съ ними. Вся родня молодой также здоровалась съ отцемъ и матерью молодого, которые, обобравъ шубы у поѣзжанъ, заперли ихъ въ чуланъ.

Молодыхъ со свахой молодой увели въ куть за перегородку и посадили за столъ; попъ благословилъ ихъ, и хозяйка, мать молодого, стала поить ихъ чаемъ и кормить. А хозяинъ усадилъ родню молодой и попа съ дьякономъ за столы, которые стояли поперегъ избы; а вдоль избы княжій столъ; поднесъ всѣмъ по рюмкѣ водки и вынесъ изъ кути на большомъ подносѣ чашки съ чаемъ, да сахарницу съ сахаромъ и кринку молока. Рѣдко случается, что чай подаютъ на подносѣ. Выпивъ по чашкѣ, по другой чаю, поѣзжане поблагодарили хозяина и стали разговаривать между собой; а молодые за перегородкой съ аппетитомъ ѣли булки съ чаемъ, кислые щи съ говядиной, любимое кушанье крестьянъ, да сладкіе пироги. Когда они переодѣлись, молодой надѣлъ старый сюртукъ, а молодая шерстяное платье, ихъ вывели изъ кути на середину избы и послали за отцемъ и матерью молодой. Пришли старики. Молодые приняли ихъ, какъ гостей. Первый подошелъ къ нимъ отецъ и, поклонившись, поцѣловалъ ихъ; за нимъ мать и всѣ поѣзжане по старшинству: сперва братъ, сестра, дяди и прочая родня молодого, а потомъ братья и сестры молодой и остальная ея родня. Кромѣ того, подходили посторонніа: бабы и старухи этого села. Всякій, цѣлуя ихъ, поздравлялъ съ законнымъ бракомъ и желалъ: кто—вѣкъ жить да здравствовать, кто—жить да богатѣть, а кто—дѣтокъ кудрявыхъ.

КНЯЖІЙ СТОЛЪ.

Когда дружка взялъ за руку молодого, а онъ молодую, и повелъ ихъ за столъ; то попъ, дьяконъ и всѣ гости стали занимать свои мѣста. Дружка разрѣзалъ свадебный пряникъ на мелкіе куски, подалъ молодымъ середнюю часть пряника, на которой изображенъ россійскій орелъ, и сталъ раздавать кроеное молодова князя и молодой княгини, по кусочку и по два каждому изъ гостей.

За столомъ сидѣло 50 человѣкъ. Было три стола, рядомъ постав-

ленные и покрытые одной бранной скатертью. На двухъ стѣнахъ избы висѣло 18 красивыхъ полотенецъ, и кромѣ того почти каждымъ тремъ изъ гостей дано было по простому *рукотернику*, вмѣсто салфетокъ, утирать руки и губы.

Прежде всего поданы были кулебяки. Молодые встали и, кланяясь на всѣ стороны, просили кушать; а дружка и хозяинъ съ графинами въ рукахъ и довольно большими стаканами начали подчивать водкой гостей и не отходили до тѣхъ поръ, пока каждый не выпивалъ своего стакана; женщинъ не обносили.

Каждый гость вставалъ и говорилъ: «Много лѣтъ здравствовать, да богатѣть!

И между прочимъ, попробовавъ водки прибавлялъ:

— Ну, князь молодой и княгиня молодая, пить не можно, больно горько,—нельзя-ли подсластить?

Молодые цѣловались.

Ну, вотъ теперь и слаще, и пить-то гораздо пріятнѣе!

Допивалъ до половины стакана, останавливался и глядѣлъ въ него.

— Что за притча? До сѣхъ поръ (показывая пальцемъ,) пить было сладко, а тутъ, словно горечь,—въ ротъ не можно взять. Стаканъ-то великъ, а вашъ-отъ поцѣлуй, видно, былъ плохъ: не все вино подсластилось.

Молодые снова цѣловались и, кланяясь, говорили:

— Кушайте на здоровье!

А другой, сунувъ въ стаканъ черешекъ ложки, вставалъ и говорилъ:

— Молодые! пить не можно: напорошилось,—нельзя-ли вынуть порошокъ?

Молодые цѣловались и кланялись ему.

— Вотъ спасибо! А позволь спросить, князь молодой, кого ты цѣловалъ?

— Лизавету Николаевну, улыбаясь, отвѣчалъ молодой.

— А ты, княгиня молодая, кого цѣловала?

— Василія Тихоныча, отвѣчала она, покраснѣвъ.

— Ладно! сказалъ тотъ, который спрашивалъ, и выпивъ водку, опрокидывалъ стаканъ:

— За ваше здоровье, князь молодой и княгиня молодая, весь до капли осушилъ.

Другіе гости, заставляя молодыхъ цѣловаться, спрашивали ихъ, что они дѣлали:

— А что, княгиня молодая, что сейчасъ изволила ты дѣлать?

— Цѣловала, отвѣчала молодая.

— А кого ты цѣловала?

— Василія Тихоныча.

— Ладно, а я и невидѣлъ, какъ ты его цѣловала, говорилъ тотъ, кто спрашивалъ; цѣловнись-ка съ нимъ еще разокъ.

Молодые крѣпко цѣловались.

— Теперь вижу, что сладко цѣловала.

Послѣ кулебякъ подали студени и груды хлѣба, потомъ щи съ говядиной,—ушну, жаркія: середку баранины, начиненную овсяной крупой и плечо также баранины, начиненное яйцами (середка и плечо были превосходно приготовлены); послѣ жаркихъ пироги, чудный коровай съ курицей и говядиной, большой круглый пирогъ со пшеномъ, любимый крестьянами, такой-же съ яйцами, съ черницей, обмазанный сверху медомъ, съ малиной, съ коринкой, съ изюмомъ и послѣдній съ винными ягодами.

За каждой перемѣной молодые вставали и, кланяясь, просили всѣхъ кушать; а хозяинъ и дружка не на шагъ не отходили отъ стола и не переставали до самаго конца обѣда поить гостей; только страшные стаканы по просьбѣ гостей были замѣнены рюмками. Кромѣ того, двѣ ендовы безпрестанно опрастывались и снова наполнялись пивомъ.

Когда вино стало брать верхъ надъ поѣзжанами, то они, сдѣлавшись гораздо веселѣе, стали чаще одинъ за однимъ и часто по два вдругъ заставлять молодыхъ цѣловаться. Бѣдные молодые не успѣвали садиться,—то и дѣло, что вставали и цѣловались. Сотни разъ пришлось имъ подслащать вино и вынимать порошки.

Подъ конецъ стола гости стали цѣловаться и со своими женами по просьбѣ другихъ. И другой старикъ отъ Христова до Христова дня не поцѣлуется со своей старухой, а тутъ десятокъ разъ пришлось потѣшить гостей. Молодой народъ не могъ не хохотать, видя какъ старикъ цѣлуетъ старуху. Заставляли также цѣловаться и молодыхъ бабъ съ чужими мужьями, а дѣвушекъ—съ молодцами. Звонкій смѣхъ подгулявшихъ гостей раздавался по избѣ, когда дѣвушка, краснѣя, тянулась черезъ столъ цѣловать или молодца, или женатаго, или старика съ сѣдой бородой.

Когда дѣвушка или молодая баба не ѣла, потому что была сыта, то другіе замѣчали вслухъ:

— Экъ, какъ *губниковъ*-то *) нахваталась, и пирогъ въ горло не йдетъ: а цѣловаться-то, поди, не прочь; видно, губники-то слаще пироговъ.

Не миновала этихъ губниковъ и сама хозяйка, которая въ кути обмазывала медомъ пироги и подавала ихъ на столъ. И ее не разъ требовали къ столу, и хозяйка, вытирая о фартукъ руки, подходила къ мужу и цѣловала его.

— Врешь, врешь, худо!—еще разъ!

— И у меня горько.

— А у меня порошокъ,—кричали гости.

И хозяйка, разъ десятокъ поцѣловавъ мужа, убѣгала въ куть.

— Стряпуху, стряпуху сюда! зачѣмъ пироги пекла хорошо!—снова кричали гости.

И хозяйка снова являлась. И почти каждый изъ гостей лѣзъ цѣловать ее.

— Пусть хозяинъ-то поглядываетъ, а я тебя цѣловну, — говорили они.

Благодаря старанію хозяина, дружки и хозяйки, гости до-сыта наѣлись и до-пьяна напились; въ началѣ подавали по три пирога на столъ и почти съѣдали ихъ, а въ концѣ и сладкіе да по одному, — и то оставались куски и объѣдки, которые большими чашками уносили въ куть.

Наконецъ столъ кончился; онъ продолжался съ 11 часовъ вечера и до половины пятаго утра, т. е. 5 часовъ съ половиною. Я забылъ сказать, что въ началѣ стола дѣвушки и бабы этого села пѣли молодымъ пѣсню.

Василій Тихонычъ
Гулялъ по чисту полю,
Залетѣлъ въ зеленый садъ;
Приломалъ въ саду вишенье,
Винограды зеленые;
Изловилъ соколиночку,
Душу красную дѣвицу,
Лизавету Николаевну.
Ровно снѣгъ она бѣлешенька
Алый цвѣтъ румянешенька,
Не въ саду-ли, мой свѣтъ, взросла?
Не въ виноградѣ-ли выцвѣла?
Я росла, росла у батюшки,
У родимой у матушки,

*) Поцѣлуй.

У соколовъ, милыхъ братцевъ,
Со голубушкамъ милымъ сестрамъ.

Когда вышли гости изъ-за стола, то, казалось, что поклонамъ и поцѣлуямъ гостей и хозяевъ не будетъ конца. Попъ и дьяконъ, выйдя изъ-за стола, простились и уѣхали.

Хозяинъ принесъ молодымъ, которые оставались за столомъ, два большихъ графина сладкой водки, маленькую рюмку на подносѣ и тарелку и поставилъ на столъ. Молодой, наливъ рюмку вина, кланяясь вмѣстѣ съ молодой, просилъ ея родню, а потомъ свою, подходить къ столу, выкушать у молодыхъ рюмку вина и проститься съ ними. Каждый изъ гостей подходилъ, желалъ: кто — ноченьки спокойной; кто — пріятно спать, да весело встать; выпивалъ вино и клалъ на тарелку деньги.

Когда всѣ простились съ молодыми, дружка и сваха (божатка невѣсты), повели ихъ изъ избы въ холодный чуланъ, гдѣ была приготовлена для нихъ постель и гдѣ такъ было холодно, что невозможно было пробыть нѣсколько минутъ въ сюртукѣ. Дружка началъ раздѣвать молодого, а сваха молодую. Онъ не снялъ съ молодого только сапоговъ, которые должна была снять молодая.

— Позвольте разуть,—сказала она, кланяясь и краснѣя.

— Разувайте, — отвѣчалъ молодой, сидя на кровати и протянувъ ноги.

Молодая нагнулась, сняла съ правой ноги сапогъ и выронила изъ него серебро, которое молодой, собираясь къ вѣнцу, положилъ для того, чтобы жить богато. Снявъ другой сапогъ и подобравъ деньги, молодая отдала ихъ свахѣ.

Молодой въ это время легъ и закрылся одѣяломъ.

— Просись, сказала сваха молодой,—кланяйся, да пониже.

Молодая подошла ближе къ кровати, низко поклонилась и сказала:

— Василій Тихонычъ, примите въ товарищи.

Онъ молчалъ.

— Василій Тихонычъ! опять начала молодая просить.

Онъ все-таки молчалъ.

— Проси хорошенько,—сказала сваха.

— Василій Тихонычъ! а Василій Тихонычъ!... чуть не до земли кланяясь, просила молодая.

Но Василій Тихонычъ упрямился.

Молодая дрожала отъ холода.

— Подойди поближе,—сказала сваха.

Молодая подошла ближе. И, открывъ нѣсколько одѣяло, снова сказала:

— Василій Тихонычъ, будьте такъ добры, примите въ товарищи.

Онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на молодую и сказалъ:

— Милости просимъ, радъ товарищу!...

Сваха закрыла одѣяломъ, а дружка принесъ небольшую пуховую постель и накрылъ ею молодыхъ.

— Спите съ Богомъ,—сказали сваха и дружка, и прибавили такія слова, которыхъ нельзя напечатать, и ушли изъ чулана.

Мы вошли въ избу, гдѣ одни гости, не раздѣвшись, расположились спать по лавкамъ и по полу; другіе забрались на печку, на полати; но третья партія гостей вовсе не думала о снѣ, не смотря на то, что уже разсвѣтало, она распѣвала пѣсни и забавлялась игрой на гармоніи. Наконецъ и она уснула тамъ, гдѣ сидѣла. Бабы и дѣвушки спали на полу въ кути. Послѣ всѣхъ легли хозяинъ и хозяйка.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ВѢНЧАНЬЯ.

Не долго спали гости, особенно хозяева. Прежде всѣхъ встала хозяйка и затопила печку. Въ 9-ть часовъ всѣ уже были на ногахъ кромѣ молодыхъ. Умывшись и помолившись Богу, гости сѣли завтракать: хозяйка подала щей, студени и остатки пироговъ. Тотчасъ послѣ завтрака мать, сестра и братъ молодой уѣхали домой: имъ нужно было приготовить *отгостки*, т. е. почти такой же обѣдъ, какой былъ у молодыхъ; дружка же и сваха пошли будить молодыхъ. Дружка подошелъ къ кровати и громко сказалъ:

— Эй, молодые, вставать пора!

Они проснулись.

— Съ пріятной ноченькой, князь молодой и княгиня молодая! — сказалъ дружка, кланяясь и улыбаясь.

— Спасибо, дружка! — поблагодарилъ молодой, вставая съ постели.

Дружка сталъ одѣвать его, а сваха—молодую. Дружка, одѣвая молодого, спрашивалъ его на ухо; тотъ отвѣчалъ ему чуть слышно. Почти тоже спрашивала и сваха молодую, какъ послѣ я узналъ.... Дружка и сваха ввели молодыхъ въ избу, гдѣ гости, успѣвшіе уже опохмѣлиться, громкимъ *ура!* встрѣтили молодыхъ и поздравляли: кто съ пріятной, а кто съ счастливой ноченькой.

Молодые, войдя въ избу, поздоровались съ отцемъ, съ матерью и со всѣми родными и сѣли на лавку. Немного погодя, сваха подала дружкѣ вѣникъ съ дарами: бумажнымъ платкомъ. Дружка подошелъ къ молодымъ и сказалъ: «Пожалуйте въ баню»; и первый пошелъ изъ избы съ вѣникомъ подъ мышкой; за нимъ рука за руку молодые; а сваха, держа въ рукахъ чистую рубашку и платье, заключила шествіе.

Баню, по просьбѣ хозяевъ, топили два молодца этого села.

Когда молодые были въ банѣ, въ избѣ гости: дѣвушки и молодыя бабы бѣлились и румянились; лучше сказать, мазались передъ зеркаломъ: налѣпляли на свои лица цѣлые слои мѣлу и раствора краснаго сандала. Молодцы шутили, заигрывали съ ними и отнимали бѣлила и мазила, чтобы также выпачкаться.

Въ другомъ, болѣе дальнемъ приходѣ, Янгосирѣ, случается, что въ это время выбѣгаетъ холостой братъ молодова съ помеломъ въ рукахъ и, бѣгая по деревнѣ, *скликаетъ*: «бѣлиться, мазаться! бѣлиться, мазаться!» Кто выглянетъ въ окно или выскочитъ изъ избы, того безъ всякой церемоніи бѣлитъ и мажетъ помеломъ, выпачканнымъ сажей.

Молодые недолго мылись; одѣлись съ помощью дружки и свахи и пришли въ избу. Отецъ и мать благословили ихъ и поцѣловались съ ними. Сваха (божатка молодой) стояла возлѣ молодыхъ и держала дары. Молодая взяла у ней двѣ рубашки и два платья, подала ихъ свекру, свекрови, деверю и золовкѣ и сказала, кланяясь:

— Батюшка и матушка, и ты, милый братецъ и сестрица, примите отъ меня подарки.

— Спасибо, дочка любезная! — сказали старики.

Молодая упала въ ноги имъ и сказала:

— Благословите, батюшка да матушка, за работу приниматься.

— Богъ благословитъ! принимайся въ добрый часъ, да во святой!—сказали старики, подымая ее.

Дружка въ это время принесъ большую круглую корзину и сказалъ, улыбаясь:

— Молодая, напеки цѣлый пестерь блиновъ, тогда узнаемъ, что ты за работница!

Всѣ въ избѣ разсмѣялись.

— Хорошо! — отвѣтила молодая, также улыбнувшись. Она знала, что дѣлать. Пошла къ печи, гдѣ уже готовы были сковорода, масло и

опара и начала печь. Испекла одну сковороду блиновъ [1]), опрокинула пестерь, положила на каждый уголъ по блину и на средину пятый и сказала:

— Вотъ тебѣ, дружка, и пестерь блиновъ.

— Догадлива, — сказалъ дружка и незамѣтно укралъ у молодой *подмазъ* (въ Петербургѣ называютъ мазилкой); а тысяцкій, замѣтя это,—сковородникъ. Молодая, видя, что нѣтъ ни подмаза, ни сковородника, спросила: «кто взялъ?» Дружка, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Нови давай, молодая!

— Выкупай, — прибавилъ тысяцкій.

Молодая нѣсколько покраснѣла и, улыбаясь, выкупила подмазъ и сковородникъ, т. е. поцѣловала дружку и тысяцкаго.

— Случается, что другая молодая, не зная, какъ цѣлый огромный пестерь напечь блиновъ, задумается и, боясь на первыхъ порахъ ослушаться дружки, начнетъ печь блины и класть въ пестерь. Она печетъ, а дружка и всѣ въ избѣ закатываются со смѣху. Молодая краснѣетъ и продолжаетъ печь блины, поглядывая на страшный пестерь. Наконецъ, дружка сжалится надъ ней, остановитъ ее и разъяснитъ, въ чемъ дѣло.

Подобныя задачи довольно рѣдки; ихъ придумываетъ болѣе проворный и находчивый дружка.

Молодая наша, выкупивъ подмазъ и сковородникъ, отошла отъ печки, а свекровь стала продолжать печь блины и подавать ихъ на столъ, гдѣ молодые угощали ими всѣхъ гостей. Каждый подходилъ къ столу, съѣдалъ два-три блина, клалъ на тарелку деньги и хвалилъ молодую за нихъ. За блины кладутъ больше серебромъ; если мѣдью, то никакъ не меньше пятачка.

Послѣ блиновъ согрѣли самоваръ, и молодые и всѣ гости напились чаю, закусили и стали собираться къ тестю и тещѣ на отгостки (отгащивать). Прежде всѣхъ уѣхали оставшіеся родные молодой; а около сумерекъ отправились и молодые и вся родня молодого.

[1]) Эти блины въ родѣ оладій; ихъ также называютъ крестьяне олашками; маленькихъ сковородокъ у нихъ нѣтъ, и потому они пекутъ ихъ на большой сковородѣ.

ОТГОСТКИ.

Когда пріѣхали молодые, то обѣдъ у тестя и тещи былъ уже готовъ. Часа два прошло въ разговорахъ за чаемъ; потомъ уже стали подавать кулебяки, студени и т. далѣе; такія же кушанья и такіе же пироги, какія были за княжимъ столомъ; только каждаго кушанья было приготовлено гораздо менѣе. За столомъ сидѣло 30 человѣкъ: молодые и почти одна родня молодого. Кромѣ извѣстныхъ намъ блюдъ, подали овсяный кисель съ молокомъ. На него сосѣдка моя заставила меня обратить особенное вниманіе. Она шепнула мнѣ:

— Глядите, какъ молодой почнетъ кисель.

Только что кисель былъ поданъ на столъ ближе къ молодому, гости, улыбаясь, устремили свои глаза на него. Молодой осторожно поднялъ ложкой съ краю пѣнку съ киселя, попробовалъ его и снова закрылъ пѣнкой. Этимъ онъ показалъ, что молодая была чиста, непорочна до замужества. Если бы онъ оставилъ кисель открытымъ, то этимъ далъ бы знать, что она потеряла раньше свадьбы свою невинность. Молодая въ это время, потупивъ глаза, краснѣла.

На отгосткахъ кутили почти до свѣту, также какъ и у молодыхъ за княжимъ столомъ: то же было веселье, та же была, на нашъ взглядъ, простота и также много цѣловались молодые и всѣ гости, т. е. подслащали вино и вынимали порошки.

Такъ какъ на отгостки собралось много дѣвушекъ и молодцовъ изъ ближайшихъ сосѣднихъ деревень и селъ, то они, собравшись въ одну избу, завели посидѣлку и гуляли въ ней до тѣхъ поръ, пока молодые и родня ихъ не кончили обѣда; въ два часа ночи посидѣлка перешла въ избу къ молодымъ, чтобы потѣшить, позабавить ихъ. Нѣкоторыхъ молодцовъ и дѣвушекъ, отъ имени молодого и тайкомъ отъ другихъ, угостили водкой; и веселье стало въ полномъ смыслѣ этого слова: смѣхъ, хохотъ, пляски, голосовыя и плясовыя пѣсни, игры на гармоніи и дудкѣ, въ одно время раздавались въ избѣ; такъ сказать, все это сливалось вмѣстѣ. Посидѣлка была для молодыхъ, которые также пѣли пѣсни, плясали, ходили парочками, вмѣстѣ и порознь съ другими. На другой день свадьбы, т. е. на отгосткахъ, молодымъ еще позволяется гулять на посидѣлкѣ, а послѣ уже, говорятъ, не хорошо, — не пристойно: останавливаютъ и осуждаютъ.

На другой день послѣ отгостковъ молодые ходили къ барынѣ мо-

лодого *на поклонъ*; она приняла ихъ ласково, подарила молодой ситцу на платье и сказала, что не будетъ забывать ее.

ПЕРЕГОСТКИ.

Черезъ недѣлю молодые и родня молодого опять пріѣхали къ тестю и тещѣ на *перегостки* (перегащивать), и также долго кутили за столомъ. На перегосткахъ церемоніи было гораздо меньше, и кушанья были проще. Замѣчательно только то, что на перегосткахъ подали на столъ почти цѣлаго жаренаго барана, который обыкновенно подается собственно для однихъ молодыхъ. Но они, какъ не просили, не кланялись тесть и теща, а не могли исполнить ихъ просьбы. Рѣдки нынѣ такіе богатыри, которые съѣдали бы вдвоемъ цѣлаго барана, хотя крестьяне и называютъ себя *большими брюшинами*. При мнѣ былъ только одинъ примѣръ, что молодые на голодный желудокъ съѣли небольшаго барашка.

И такъ, свадьба сыграна. Если бы она, какимъ грѣхомъ, послѣ праскихъ сидинъ не состоялась, и это зависѣло бы отъ жениха или его родни,—то имъ пришлось бы заплатить за безчестье 15, 20 и болѣе рублей, смотря потому, богатый или бѣдный женихъ сватался. Если же на смотринахъ невѣста не понравится жениху или его роднѣ, то отецъ скромно объявляетъ: что она ему всѣмъ люба, да только хорошей скруты у ней мало, а за сына его и съ гольемъ, т. е. съ деньгами, любую отдадутъ. Невѣстиной роднѣ также легко отказать; у нихъ одна отговорка, что имъ некуда спѣшить: невѣста еще молода.

В. Александровъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
INFORMATION
CONSERVATION, INC
MAY-JUNE 1988

LIBRARY OF CONGRESS
00023294230